

ЮРИЙ НИКИТИН

КРАБОИД

НОВИНКА

ОТ СОЗДАТЕЛЯ ЦИКЛА «ТРОЕ ИЗ ЛЕСА»

Юрий Александрович Никитин

Крабоид

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57243028

Крабоид: 2020
ISBN 978-5-04-112017-7

Аннотация

Я не пришелец, не киборг, не ИИ, не существо из легенд и мифов. Но быть Земле и всей галактике или не быть — это как решу.

И никто не в состоянии помешать, я вижу все и слышу всех.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	57
Глава 7	67
Глава 8	77
Глава 9	88
Глава 10	98
Глава 11	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Юрий Никитин

Крабоид

Часть 1

Глава 1

Крохотная девочка в яркой пышной одежде и с огромным красным бантом в желтых волосах жалобно пищала возле дерева, задрав кверху залитую слезами мордочку:

– Ну слезай, слезай!.. Мама меня убьет!.. Слезай, я тебе дам вкусенького...

Я с опущенной головой шел мимо, а девочка, завидев меня, вскричала:

– Помогите!..

Я хотел было пройти, но она ухватилась обеими верхними конечностями за мою ногу и пропищала совсем тоненьким голоском:

– Моя кошечка залезла на дерево!.. А теперь там боится!.. Мама не разрешала!.. Дядя, вы же большой и сильный!.. Снимите!

Я подумал, что сделать это проще, чем вырываться от детеныша, которых почему-то нельзя обижать, молча прыгнул

сверху, ухватил это пушистое животное, стараясь не раздавить в ладонях.

Гравитация повлекла обратно к земле, я ударился подошвами о почву и застыл, еще не зная, что делать дальше.

На землю посыпались сломанные ветки. Девочка ринулась к нам так поспешно, что ударилась о мою ногу, выхватила зверька и прижала к груди.

Я смотрел на нее сверху вниз молча, а она счастливо пропихала:

– Спасибо, дяденька!

Я торопливо удалился, запоздало вспомнив, что доминантные на этой планете существа не прыгают даже на высоту своего роста, а здесь впятеро больше. Да и ветки с одной стороны с хрустом снес в прыжке наверх, а остальные сбил при падении на землю, а хотел не вмешиваться в эту странную жизнь, пока не пойму почему и зачем возникла.

И почему здесь возник я.

Излучение желтой звезды падает сверху, я сейчас чувствую его и как все остальные обитатели этого органического мира, то есть в первую очередь тепло. Звезда рядовая по размерам и массе, таких великое множество, отличается от большинства разве что тем, что достаточно молодая, едва-едва сформировалась из остатков предыдущих, из-за чего в ней множество элементов, что не могут образоваться в звездах первого и даже второго поколения.

Возможно, потому именно здесь и совпали редчайшие

условия для возникновения этой биологической жизни? Странно, судя по сообщениям, передаваемым электромагнитными волнами, люди уверены, что такая же аномалия возникла везде, потому постоянно ожидают прибытия на эту планету существ из других миров, как они говорят.

Даже не знаю, обрадуются или огорчатся, когда узнают, что они единственные во Вселенной?.. Или станет страшно от одиночества и чувства ответственности?

Деревья расступились, далеко-далеко за долиной проступили в плотной атмосфере дома, как уже знаю, хотя совсем не похожи на тот сарайчик, в котором я прятался.

Я сдержал желание рассыпаться здесь, а собраться там, нужно быть во всем похожим на доминирующих на этой планете существ, иначе не пойму эту странную жизнь, как они называют эту форму существования материи.

Некоторое время шел по обочине дороги, как в этом мире принято, ничем не отличимый от остальных двуногих. Руки и ноги двигаются в том же привычном для людей ритме.

Проселочная дорога вывела на широкую магистраль. Мимо с ревом проносятся очень странные и непостижимые механизмы, все это или подобное уже видел на экране телеприемника, где научился впитывать информацию сразу с десятков каналов, так что в какой-то мере знакомо, но это не значит, что сумею такой сложной и противоречивой информацией пользоваться.

Одно колесное устройство, их здесь зовут автомобилями,

притормозило, скрипнув тормозами. Из окошка высунулось лицо существа, толстое и с растительностью, как у животного, на лице.

– Парень, – произнесло оно хриплым голосом, – подвезти?

Я отмахнулся, подсмотрел этот жест через щель в сарае, когда отчим девочки отказывался от чего от женщины, что родила спасшего меня совсем маленького человечка.

Существо буркнуло:

– Как знаешь!.. Но лучше не пей больше.

Автомобиль унесся, а я некоторое время продолжал идти по обочине в том же темпе. Малышка сказала, что мне нужно убраться подальше, я старался понять, сколько это подальше, из речи местных так и не понял, а когда за спиной раздался грохот еще одного огромного грузовика, вспомнил одну из движущихся картинок, что тайком наблюдал на экране.

Грузовик пронесся на большой скорости, я в прыжке догнал и, как показано на двигающихся картинках, уцепился за борт сзади. Там много выступов и крюков, даже местный бы удержался.

Долгое время колесное устройство мчалось по созданной для таких же устройств дороге. По сторонам либо растительная жизнь, либо удаленные сооружения этих существ, что называют себя людьми, наконец вдали показались огромные дома, такие я видел на рисунках в книжке, что приносила малышка. Дома – это жилища, в них живут и размножаются эти существа.

Дома массивные и высокие, а окна, что в жилище ее матери в один ряд, здесь еще и вверх уходят до самой крыши.

Выглядывая из-за края борта, я видел впереди проносящихся по отношению ко мне справа и слева от дороги людей, в этом человеичике их много, даже слишком много.

Выбрав момент, я торопливо отлепился от стенки кузова, прыгнул на твердое покрытие.

Инерция бросила лицом вниз, несколько раз перевернувшись, поспешно вскочил и начал переходить на другую сторону. Вдруг за спиной появился автомобиль, уже поменьше, я его видел, но не понял, что надо делать и надо ли, а он с силой ударил в спину.

Швырнуло вверх и вперед. По дуге упал, покотился по полотну ровного, как считают люди, асфальта, хотя будь он ровным, автомобили скользили бы, как по льду, и вообще не могли бы сдвинуться с места.

Пока меня катило и переворачивало, точнее, стремительно перебрасывало с боку на бок, я успел подумать, что нельзя сейчас вскочить на ноги, словно ничего не случилось, должен вести себя, как все здесь, а когда инерция оставила мое тело, я как бы в бессилии распластался на асфальте.

Сзади хлопнула дверца остановленного автомобиля. Сквозь опущенные веки я видел, как выскочили двое самцов и одна самка, именуемая здесь женщиной, мелкая, с коротко подрезанными и красными, как лесное пламя, волосами. Глаза крупные, широко расставленные, в ужасе остановилась

возле автомобиля, прижала ладонь ко рту.

Один из ее спутников, толстый и лохматый, сразу закричал плачуще:

– Я не знаю, откуда он выскочил!.. Там же никого не было!..

Женщина вскрикнула:

– Вызываю «Скорую»!

Я начал подниматься, парень подбежал, тряся на бегу студенистыми щеками, быстро ухватил меня под руки.

На меня пахнуло нечистым дыханием, он начал тянуть вверх, а женщина трясущимися конечностями вытащила из сумочки крохотную коробочку-коммуникатор.

– погоди!.. Ему нельзя двигаться!

– Да он вроде жив...

Она прокричала:

– Не смей! У него перебиты все кости!

– Постой, – сказал парень быстро, – «Скорая» сразу вызовет и полицию, поняла?

– Ну да, – согласилась она убитым голосом.

– А мы с Кощеем курнули, – ответил толстяк отчаянным голосом. – Да и ты сделала пару затяжек... В таком состоянии за рулем – статья...

Она вскрикнула:

– А если умрет?

Толстяк помог мне подняться и придерживал за плечи, не давая снова упасть, я смотрел на них обоих молча.

Женщина всмотрелась в меня отчаянными и расширенными в страхе глазами.

– Вы как?

Я промолчал, толстяк сказал торопливо:

– Вообще-то цел, не видишь? Было бы что сломано, разве встал бы?

– Вы целы? – спросила женщина.

Я смотрел на нее тупо, не понимая, что спрашивает, видно же, что цел, значит, спрашивает что-то непонятное, доступное только местным, уже отметил, что люди произносят одно, а на самом деле чаще всего означает другое.

Она сказала в отчаянии:

– Нужно в больницу! У него шок, память отшибло! Посмотри на его лицо!

Толстяк заглянул мне в лицо.

– Дружище, все получилось случайно... Тебя как зовут?

Я промолчал, женщина вскрикнула:

– Все, вызываю «Скорую»!

– Нет, – сказал толстяк и выхватил у нее из ладони коробочку. – Нас всех посадят. Давай сделаем умнее... Мы уже возле твоего дома, давай отведем или отнесем к тебе, напомним виски, отойдет, придет в себя! Это любой психотерапевт скажет. Кощей, ты как?

Второй, которого назвал Кошеем, худой и костлявый, без всякой охоты подхватил меня с другой стороны под руку.

Я услышал над ушной раковиной скрипучий голос:

– Мужик, ты в самом деле... цел?.. Блин, как ты оказался под колесами?!!

Женщина прокричала тонким голосом:

– Господи, это ужасно!.. Отдай мобилу! Надо срочно звывать «Скорую»!

Она ловко выхватила у самца свое устройство, здесь называемое смартфоном, но пока быстро-быстро водила там пальцем, толстяк сказал запрещающим тоном:

– Не надо!.. Чувак цел, крови нет...

Она вскрикнула:

– У него точно сотрясение!

За моей спиной Кощей сказал хмуро:

– погоди с вызовом. Тюпа прав, «Скорая» вызовет полицию. Мне тюрьма светит, ты понимаешь?

Девушка заколебалась, взглянула на меня. Я медленно водил головой из стороны в сторону, так полагается делать, видел.

Первый самец, что вдвое толще второго, ухватил меня за плечо крепко и, подперев собой, удержал на месте.

– Ксюха, – сказал он быстро, – я дело говорю. Занесем чувака, может быть, оклемается, на этом все и закончится?

Женщина ответила плаксивым тоном:

– Хорошо, но, если что, сразу «Скорую». А будет полиция или не будет, неважно, мы чуть не убили человека!

Человека, мелькнуло у меня. Полагают, что я человек, потому и такая забота. Знай, кто я... хотя этого пока не знаю

я сам, сразу убили бы сами.

Кощей забежал с другой стороны, ухватили покрепче, я не противился, повели к ближайшему дому.

Женщина, которую именуют Ксюхой, забежала вперед, я видел, как вскочила на высокое крыльцо и распахнула обе створки дверей.

Наконец, меня довели до квартиры, ввели в комнату и сразу же бережно уложили на диван. Ксюха с вытаращенными глазами хотела снять с меня рубашку, но толстяк поспешно остановил, сказал, что меня нельзя сейчас шевелить, а то вдруг плечо выбито или еще где-то не так, а если дать отдохнуть, то само начнет восстанавливаться, это называется регенерацией.

Я остался лежать неподвижно и с закрытыми глазами. Они ушли на кухню, плотно закрыв за собой дверь, я продолжал наблюдать за ними и сквозь стены, для меня это не препятствие, и, как понимаю, первый контакт с высшей формой биологической жизни прошел успешно. Маленькая девочка, что прятала меня и выхаживала в темном заброшенном сарае, важная ступень, но она ребенок, а это взрослые, именно те, из-за которых я здесь и возник.

Мысли спутались, я попытался вспомнить, зачем я здесь, но вместо ответа только отчетливая картинка, как возник и застыл без движения в странном удивительном мире, который называется, как потом узнал, биологической жизнью.

И как потом старался понять в том лесу, почему в этой

точке пространства именно так, почему атомы сложились в такие причудливейшие структуры, почему и здесь легко могу превратиться в любой камень и даже в воду, могу раствориться в воздухе и собраться вновь, но не удастся стать ни шмыгающими рядом зверьками, ни даже деревом?

Не сразу понял, что это и есть то, из-за чего я в этой точке пространства: невероятная сложная структура, просто уникальная, которой нет нигде во вселенной, называемая здесь биологической жизнью.

Да-да, это и есть то, из-за чего я здесь с важной, но пока непонятной целью.

«Целью», – повторил я еще раз. Почему это кажется таким важным?.. Видимо, у меня в самом деле некая важная цель, некое предназначение, почему я здесь и сейчас...

Но что за странный мир, и почему я именно среди этих существ, невероятно хрупких, что существуют в предельно узком диапазоне температур, излучения, давления, и вообще их существование постоянно на волоске?

Почему так долго пытаюсь понять, но почти так же далек, как и в тот момент, когда сложился из частиц окружающего мира в изолированный ком материи, хотя вообще-то ничего в мире нет изолированного, и долго старался понять, что же меня окружает... Даже не знаю, сколько прошло времени, деревья поднимались из земли, становились огромными, дряхлели и рушились, однажды их сжег быстрый лесной пожар, после чего я все-таки решил передвинуться дальше и

вышел на опушку этого удивительного места, которое называется, как потом узнал, лесом...

Глава 2

Трое на кухне советуются, сдвинув головы и почти стелкаясь лбами, что не мешает мне слышать их каждое слово, но все равно ничего не понимаю.

Толстяк, наконец, поднялся, отодвинул стул и решительными шагами направился к двери комнаты, где я лежу в прежней позе.

Я открыл глаза, вроде бы пора, он остановился на пороге, но закрыл за собой и подошел уже медленно и осторожно.

– Меня зовут Шурик, – сказал он, – Шурик Тюпа. Парень, ты прости, что так случилось... Но ты сам виноват, что выскочил прямо перед машиной!.. Мы не могли ни свернуть, ни затормозить... Сейчас как себя чувствуешь?

Я перевел на него взгляд, повторил его же голосом и подражая движению мышц на его лице:

– Чувствую?

– Ну да, – повторил он. – У тебя контузия!.. Может быть, даже шок, хотя выглядишь крепким парнем. В смысле, таким не требуются психоаналитики и коучеры. У тебя где-то что-то как... сильно болит?..

Дверь тихо отворилась, вошел тот, что Кощей, сказал еще от порога:

– Еще бы не болело!.. Его же подбросило в воздух, а потом катило по асфальту. Как только руки-ноги не переломал, как

спички!.. Мужик, ты уверен, что нет переломов? Открытых нет, видим, а скрытых?

Последней в комнату вошла Ксюха, на лице по-прежнему страх и жалость, если я научился правильно понимать эти выражения, наклонилась надо мной так, что я услышал ее теплое дыхание и ощутил измененный воздух, что она выпускает из ротового отверстия.

Ее пальцы осторожно ощупали мои плечи.

– Как из камня, – сказала она, – такие в самом деле сломать непросто.

Я молчал, не зная, что сказать, она расстегнула на мне рубашку, бегло окинула взглядом, я не шевелился, сама ловко и быстро спустила ее до пояса, осмотрела плечи и спину.

– Даже кровоподтеков нет, – сказала она. – И ни одной царапины!.. Парень, ты не каскадер, случаем?..

Я ответил ровным голосом:

– Не знаю.

Кощей сказал тихо Тюпе:

– Заторможенный какой-то. И говорит как робот. Мощно садануло, вся память выпорхнула, как стая воробьев.

– Не соображает, – согласился Тюпа.

Женщина нависла надо мной, глаза с тревогой всматриваются в мое лицо, темный зрачок расширился, я чувствовал, как слегка повышается температура моего лица от ее дыхания.

– Как тебя зовут? – спросила она. – Кто ты?.. Где жи-

вешь?.. Где работаешь?

Я смотрел на нее в непонимании, повторил голосом Кошея:

– Кто я?.. Где живу?

– Да, – сказала она, голос ее изменился, она торопливо оглянулась на друзей. – Все-таки память ему отшибло!.. Нужно в больницу.

Кошей сказал быстро:

– И нас повяжут.

– За что?

– Мы его сбили, – напомнил он, – а теперь еще и притащили сюда, а не в больницу. Не знаю, уголовка или нет, но сделали не то... А травку курили все трое. Это уже отягощающее, так что срок года на три. Точно не знаю, не сидел, у меня все приводы по мелочи.

Тюпа молчал все это время, а Кошей наконец произнес негромким голосом:

– Пусть пока отходит. Память вернется. У меня такое же было, когда мина рванула рядом... Оглох на полчаса, ничего не соображал... Правда, минут десять, но у кого-то быстрее, у кого-то по-черепашьи... Ксюха, я останусь у тебя на всякий случай.

Она ответила быстро:

– Спасибо. А то мне как-то не по себе.

– И я могу переночевать, – предложил Тюпа.

Она помотала головой.

– Нет, ты меня раздавишь. Да и не до групповухи сейчас, а вы без этого не заснете. Давай, утром созвонимся.

Тюпа буркнул:

– Хорошо. Но если что, звони. Даже ночью.

– Спасибо, – ответила она. – Иди, отдыхай!

Толстый тут же ушел, как мне показалось, с заметным облегчением.

Женщина по имени Ксюха щелкнула прерывателем электрической цепи на стене, и свет в комнате померк, хотя не для меня, я вижу не просто в более широком диапазоне, а во всех диапазонах.

Уже знаю, этот биологический мир использует электричество и энергию распада атомов, и хотя в микроскопических дозах, но это единственное, что для меня родное, знакомое и понятное. Потому вся информация, что передается по электрическим цепям, зрима, как и все, что эти существа посылают друг другу. Хотя изображения и звуки принимал с первого же мгновения, а вот сопоставлять массивы этих различных сигналов, чтобы искать какие-то закономерности, пока что только пробую.

Начало понимания этого биологического мира уловил еще из передач, когда тайком наблюдал за происходящим в доме отчима спасшей меня девочки. Все, как мне кажется, началось со сложнейшего явления, что здесь именуется фотосинтезом. Излучение местной звезды превращает мертвые элементы, какими их здесь считает биологическая форма

ма жизни, в так называемые живые, хотя во вселенной живое все, как и неживое все, смотря как смотреть.

Именно фотосинтез и создал, как сейчас почти уверен, необходимейшее условие существования всего биологического мира. Вообще весь атмосферный кислород и есть продукт этого странного и удивительного процесса.

Я наткнулся на это явление еще в лесу, когда спустился с вершины поднимающейся почти до стратосферы горы, где вычленился из мертвой материи, что вообще-то не мертвая, во Вселенной ничего нет мертвого. Этот странный процесс фотосинтеза просто потряс, совершенно не могу разобраться, как это привычная мне материя переходит в невероятно и очень сложно устроенную, хотя вроде бы все из тех же атомов, как здесь их называют.

Чувствую себя совершенно беспомощным, почему-то не могу воздействовать на эту странную форму материи. Даже на ту, что называется у них мертвой, как они говорят о мебели, что на самом деле тоже не мертвая, раз она из живого дерева, что хоть больше и не живет, но сохраняет в себе безумно сложную структуру.

По ту сторону стены Ксюха и Кошей разговаривают вполголоса, слова слышу отчетливо, но не понимаю смысла, как не понимал и щебета птиц или стрекотание мелких лесных зверьков, прыгающих по деревьям.

Солнце постепенно переместилось на другую сторону планеты, как здесь говорят, хотя на самом деле этот комок

материи, на котором мы сейчас, повернулся другим боком.

Заметно потемнело, по ту сторону внешней стены стало меньше грохочущих автомобилей, больших и малых, а люди уже не спешат по краям улиц, передвигаются заметно медленнее.

Планета продолжает поворачиваться, свет звезды угасает в атмосфере на этой стороне, перемещаясь медленно на противоположную. Доминантные существа планеты сперва замедляют суету, а потом вообще впадают в странное оцепенение, которое называют сном.

Меня диапазоны, я могу смотреть сквозь любые стены, и сейчас продолжал рассматривать Кощея и Ксюху, странные образования, вспоминая данные о них, почерпнутые из расшифровки электромагнитных волн, генерируемых созданными ими устройствами.

Оба делают в сутки двадцать пять тысяч вдохов-выдохов, причем Ксюха чуть больше, самая сильная мышца у них язык, а самая выносливая – сердце, пищу принимают для того, чтобы поддерживать температуру на постоянном уровне, иначе умрут, если чуть повысится или понизится.

Теплом их тел можно обогревать небольшую квартиру, за сутки каждый из них выделяет в пространство вокруг них тепла столько, что можно довести до кипения тридцать пять литров ледяной воды...

Невероятно странное образование, потому непонятно, почему оно заинтересовало и даже встревожило меня... и по-

чему меня сюда послало.

Кощей вскинул голову, когда Ксюха со вздохом поднялась, заинтересовался:

– В койку?

– Проверю, – ответила она шепотом, – как он там. А вдруг откинулся?

– Не пугай, – сказал он с дрожью в голосе.

Она неслышными, как считает, шагами осторожно вошла в комнату, где я лежу в той же позе. Некоторое время стояла в нерешительности, но за ее спиной появился Кощей, и она, приободренная, тихонько приблизилась к дивану.

Я ждал, а она с состраданием смотрела на меня сверху вниз, расprostертого в той же позе, в которой меня положили.

Кощей за ее спиной сказал тихо:

– Не шелохнулся. Наверное, все-таки больно.

Она огрызнулась:

– Тебя бы так!.. Все-таки неправильно и нехорошо. Его надо в больницу!..

– Все правильно, – возразил он. – Отойдет, увидишь. Меня самого когда-то сбили мотоциклом, шагов пять катился!.. И ничего, только руку ободрал. Подождем до утра. Пойдем спать.

Она вздохнула.

– Пойдем. Только ты ко мне не лезь, ладно? Сейчас мне совсем не до вязки.

– Могу с лубрикантом, – предложил он, – хотя зачем он тебе? Ты отзывчивая...

Я смотрел через плотно опущенные веки, как он обнял ее за плечо и вывел из комнаты. Дверь за ними захлопнулась, как бы отделяя это пространство от того, куда пошли, хотя для меня оно единое, могу при желании видеть эти двери и стены, могу и не замечать. По крайней мере, прохожу сквозь них, как эти существа проходят через пар или струйки дыма.

Единственное, что я понял здесь достаточно быстро, что возник на большом сгустке сравнительно плотной материи, окруженном атмосферой. Таких вообще-то много, знаю, но этот уникален тем, что в нем зародилось нечто особенное, из-за чего, как мне кажется, я здесь.

Особенность как в самой атмосфере, так и в этом уголке пространства. Сперва только старался понять, что это, почему настолько сложное, не могу понять структуру, хотя на атомарном уровне все то же самое, что и по всей вселенной.

Но здесь эти кирпичики оказались уложенными в странные и сложнейшие узоры, что придают им и всему особые и абсолютно непонятные мне свойства. Может быть, именно поэтому не могу на них влиять, хотя элементы более простых передвигаю и здесь точно так же, как и раньше...

Я попытался уловить ускользающую мысль, когда же это я повелевал материей, но словно уперся в серую непроницаемую стену, лишь промелькнули слабые воспоминания, как пытался разобраться с этими сложнейшими построениями,

и не мог.

Кощей и Ксюха в соседней комнате сбросили одежду и рухнули в постель. По жесту самца вспыхнул экран телевизора, такой и в доме той девочки, которая отыскала меня на окраине леса и принесла в виде комка грязи в сарай, где давно устроила тайное гнездышко тайком от неправильных родителей.

Некоторое время Кощей и Ксюха возились в постели, но я смотрел на экран, там для меня намного больше информации, которую совершенно не понимаю, но в состоянии запомнить, осмыслю потом, если сумею.

Оба наконец заснули, оставив телевизор работать, что хорошо, мне сон ни к чему, посмотрю и вдруг да пойму еще что-нибудь.

Сейчас оба спят, температура их тел слегка опустилась, очень странная цикличность существования. До того как полностью распасться, это называется умереть, много раз проходят через протосмерть, когда остается только тело, а сам человек наполовину умирает на несколько часов, обычно это происходит в темное время суток, когда планета повернута неосвещенным солнцем боком.

Утром оживают как ни в чем не бывало, продолжают жить в том же ритме. Доделывают дела, что не успели вчера, даже не догадываясь, что они уже не те, и не зная, что именно в них изменилось.

Глава 3

Звезда, называемая здесь Солнцем, еще больше сдвинула и даже повернула другим боком этот комок пространства, именуемый планетой. Странное строение органов людей, да и всех существ биологического мира, позволяет видеть мир только в невероятно узком диапазоне, из-за чего воспринимают все окружающее очень причудливо и совсем не так, как на самом деле, хотя о его квантовости, как услышал по телеприемнику, уже начинают догадываться.

За окнами посветлело, это для меня дни и ночи одинаковы по освещенности, но для местной жизни эти периоды очень важны, в сон впадают все, даже самые крохотные существа, без этого вскоре умирают. Только некоторые спят днем, а ночью выходят охотиться на более слабых существ, это называется пищевой цепочкой, а человек стоит в самом конце, это значит, что пожирает всех, а его никто. Странное образование, где жизнь пожирает сама себя, но здесь, как начинаю догадываться, это играет очень важную роль.

Со стороны улицы все чаще проносятся автомобили. Ночью ездили большие и тяжелые, развозили грузы, а с рассветом все больше мелких, это называется личным транспортом.

В той комнате, где Ксюха и Кощей, началось шевеление сперва в постели, потом оба поднялись и некоторое время

сидели, тупо глядя перед собой и почти не шевелясь.

Ксюха первой пошла одеваться, Кощей сказал вдогонку:

– Заглянь к нашему... сбитому. Вдруг откинул копыта?

Она вскрикнула:

– Не пугай!.. Куда труп прятать будем?

– Острячка, – ответил Кощей и снова рухнул навзничь на подушки. – А я пока наберусь сил. Вдруг война, а я устатый?

Дверь в комнату ко мне осторожно приоткрылась, самка заглянула вполглаза, я чувствовал, как задержала дыхание, а потом тихонько пошла к моей постели.

Я вижу так же хорошо и сквозь веки, но поднял их верхнюю часть, так принято, взглянул на нее в упор.

Она охнула.

– Не спишь?.. Сильно болит?

Я промолчал, уже знаю, что все существа чувствуют боль в определенных случаях, как в моем, но все еще не разобрался, как долго я должен ее чувствовать.

– Болит? – повторил я.

Она сказала жалостливо:

– Я бы, наверное, всю ночь выла и пила анальгетики!.. А ты сильный. Мужчины должны быть сильными!

– Должны быть сильными, – повторил я.

Она сказала тихо:

– Поспи еще чуть, пока сготовлю завтрак. Это скоро, я вообще-то шустрая.

Я промолчал, она отступила и закрыла за собой дверь. Ко-

щей все еще в постели, а Ксюха вышла в крохотную комнату, тесную и неудобную, заставленную множеством непонятных вещей.

Помню из телепередач, что в таких местах готовят себе пищу. Теперь уже не догоняют зверье и не пожирают его, как только забьют до смерти, это называется прогрессом.

Ксюха зажгла огонь, как делали ее дикие предки, только не костер, а по движению ее пальцев вспыхнули два жарких огонька голубого цвета на кухонной плите.

Я рассматривал ее, Кощея, людей в других квартирах, но с еще большим вниманием продолжал смотреть передачу по этому устройству, что называют телевизором, слушал кто как говорит, фиксировал и записывал новые слова и понятия, а когда услышал шаги Ксюхи, поспешно опустил веки.

Она вошла быстро и громко стуча каблучками, но увидела меня с закрытыми глазами, замерла в нерешительности, я сделал вид, что вообще сплю, и она с некоторой замедленностью в движениях вышла и прикрыла за собой дверь.

Напрягая слух, я услышал, как в соседней комнате рассказывает кому-то шепотом, что их жертва дэтэпэ сейчас спит. Мужской голос поспешно заверил, что после сна память вернется точно, а подавать в полицию заявление будет уже поздно, раз провел у нее ночь, это можно объяснить ревностью.

Он говорил еще много непонятного, я вспомнил как Ксюха переключала каналы, и сам переключил на другой, третий, только сделал это, как они говорят, мысленно, это же

так просто, почему так не делают сами, непонятно.

Не поднимаясь с постели, я видел сквозь две стены, как Ксюха поставила на большой и малый огоньки по кастрюле из металла, до сих пор не пойму, как люди изготавливают их с такой странной формой, если не умеют ни сами перестраиваться, ни перестраивать материю, затем выхватила из заднего кармашка пищащую крохотную коробочку.

– Ленка? – вскрикнула она. – Да проснулась, проснулась!.. Ничего подобного, трезвая, как стеклышко. Трезвее не бывает. У нас чепэ, поняла?.. Вчера вечером сбили мужика на дороге!.. Кошей уговорил затащить его ко мне, чтобы очухался... Да вот и случилось!.. Ты не кричи, я же с тобой делюсь?..

Некоторое время слушала, я видел, как лицо ее кривится, наконец, прервала:

– Да не вопи!.. Да, он еще у меня... Нет, ничего не помнит, хотя вообще-то здоровенный, как цирковой борец. Но все ему отшибло... Не-ет, какая вязка?.. Что ты все на нее сворачиваешь, у меня с этим проблем нет, даже и не думаю, а он не знает, что это такое!.. Вроде слетел на уровень пятилетнего... а то и двухлетки. Да, с виду вполне взрослый, крепкий, без шрамов и татух... Даже не мужик, как ты говоришь, а вполне настоящий мужчина, что-то в нем такое...

Из коробочки доносился легкий писк, я сосредоточился и уже отчетливо услышал голос этой Ленки, тонкий, женский, голоса самок отличаются по тембру от самцов:

– Ты только не паникуй!.. Вернется к нему память, а тогда он уже не сможет заявить на вас. Ему скажут, а чего раньше молчал?.. Да и ночевал у тебя, это тоже против него...

Ксюха возразила недовольно:

– Ничего не станет заявлять.

– Откуда знаешь? – спросил женский голос.

– Чувствую, – отрезала Ксюха. – Ладно, у меня уже вода закипела, я готовлю завтрак, как все люди. Пока!

Хорошо, что могу слышать все то, что говорят с помощью этих коробочек, электромагнитные волны, достаточно сосредоточиться.

Сквозь опущенные веки видно, как по ту сторону стены Ксюха повела рукой в воздухе, и на стене вспыхнул голубоватым светом большой квадрат света.

Замелькали призрачные тени, я посмотрел, как Ксюха поглядывает заинтересованно, сосредоточился, мне все еще приходится настраивать себя так, чтобы складывались из электромагнитных волн такого рода цветные картинки, а эти существа еще и умеют их как-то переводить в двигающиеся.

Все очень сложно, знаний об этом безумно сложном мире у меня пока что нет, но чувствую, пославшее меня само не знало, что здесь ждет.

Эти существа, называющие себя людьми и человеками, еще пользуются и значками, которые передают некую информацию, но это потом, а чаще информация передается изображениями и словами.

Я понаблюдал, как Ксюха без всякого заметного усилия пользуется коробочкой, разговаривая через нее, а также получая картинки, выбрал время, когда она ушла в другую комнату, сосредоточился и создал себе такую же, однако та осталась просто куском материала, называемого здесь камнем.

По тем мелькающим картинкам, что смотрят люди, я понял, к каким по форме сородичам испытывают то, что называют почтением, и хотя не во всех случаях разобрался, но заметил, что крупные, как и среди остальных животных, доминантнее, их задевают меньше.

Потому еще там в сарае у девочки прибавил себе роста и раздвинул плечи. Не слишком, конечно, выходить за рамки вида нельзя, но так, чтобы стать заметно крупнее усредненного двуногого.

Наконец дверь в комнату, где лежу, распахнулась. Ксюха осторожно перешагнула линию, отделяющую это помещение от коридора.

– Проснулся?... – спросила таким голосом, что напомнил мне щебет просыпающихся утром птиц в лесу. – Сможешь добраться до стола?

– До стола? – повторил я.

– Ну да, – сказала она, – Ты хоть есть умеешь?..

– Не знаю, – ответил я ее голосом.

Она передернула плечами.

– Ой... а ты можешь говорить не моим голосом?

Я промолчал, она вздохнула, сказала просительно:

– Например, мужским? Как у Кощея... нет, у Тюпы голос гуще, мужественнее...

Я вспомнил как говорил и двигался Тюпа, ответил уже его голосом:

– Могу.

Ее глаза расширились, даже отступила на шаг.

– Ух ты!.. Здорово!.. Может, и мне потерять память, чтобы вот так войти в правильную жизнь?..

– Правильную жизнь, – повторил я.

Она помогла мне подняться, я делал все так, как видел по темдвигающимся картинкам, с ее помощью медленно вышел на кухню и опустился на придвинутый мне стул.

Здесь кухня больше в размерах, чем у матери девочки на окраине леса, и в ней больше непонятных вещей. Слишком много такого, что используют эти существа для своего существования, настолько невероятно хрупкого, что даже не могу предположить, как могли появиться, а потом еще и уцелеть.

На кухне такой же экран, как и в комнате, только поменьше, Ксюха кивнула в его сторону, не поворачиваясь ко мне:

– Битва за Нью-Йорк... Опять эти инопланетяне напали. Чего это они всегда в Америку прут и все стараются разрушить?.. То Лос-Анжелес, то Майами, а на прошлой неделе запустили сериал, где вторгаются в Техас, а там все ковбои, тут же за пистолеты, и пошла пальба...

От меня требовалось кивнуть, уже знаю, про инопланетян

тоже, меня даже девочка тогда спрашивала, не инопланетянин ли я, но я ответил, что нет, ниоткуда не прилетел, просто вычленился из состава этой планеты. Даже помню этот момент, когда из блаженного небытия начал превращаться в нечто обособленное и страдающее от того, что я оторван...

Но тогда кто я?.. И почему эта неотвязная мысль, что у меня какая-то важная цель?..

Ксюха возилась у плиты, спросила, опять же стоя ко мне спиной:

– Ты где живешь? – спросила она.

– Не знаю, – ответил я. – А что, надо где-то жить?

Она фыркнула.

– Жить надо не только с кем-то!

– А с кем, – уточнил я, – обязательно?

Она сдвинула плечами, интересное движение, тоже язык, вроде хореографического, так здесь называют язык пчел, в него люди вкладывают так много значений, что вместе с гримасами и звуками вроде хрюканья и сопения могут передать больше, чем звуки или значки на бумаге.

– Если бы из тебя все не вылетело, – сообщила она деловито, – я бы сказала, что дебил какой-то, но ты не дебил, просто контуженый.

Я молча и тупо смотрел ей в спину, стараясь понять, что ей не понравилось, что я сказал не так. Уже понимаю, жить надо, это во мне сформировалось вместе с телом, только что это не мысль, не опыт, а сама материя, из которой я теперь

состою, желает жить и существовать именно в такой вот форме. А ее распадение считается прекращением жизни... но где именно жить, как догадываюсь, зависит уже не от тела, а от самого существа.

Так что да, это я должен выбрать сам. Нору, гнездо или дупло, мне все равно, но лучше что-то такое, в чем не буду отличаться от остальных.

Пока женщина возилась у плиты, планета еще больше сдвинулась в повороте в сторону звезды, край небосвода ушел вниз, открывая яркий блистающий шар. Я некоторое время внимательно смотрел в окно, нужно запомнить, что смотреть нужно только в окно или с балкона, а не сквозь стену, у этих существ очень ограниченный диапазон.

Спохватился, аборигены не смотрят на эту звезду вот так прямо, ее здесь называют Солнцем, строение глаз не позволяет, могут лишиться способности видеть, так что мне тоже не стоит, хотя мои глаза не выжечь, но я не должен выглядеть иначе.

По крайней мере, мелькнула мысль, пока не пойму, для чего я здесь.

Ксюха сказала легко:

– Душевая и туалет вон там, вторая дверь справа. Надеюсь, хоть ими ты помнишь, как пользоваться?

– Помню, – ответил я, хотя таких воспоминаний, понятно, нет, но видел на экране телевизора, как это делают местные доминантные существа. – Я даже есть умею.

– О, – сказала она радостно, – чувство юмора?.. Значит, память восстанавливается!.. Еще не вспомнил, как тебя зовут?

Я покачал головой.

– Нет.

– Вспомнишь, – сказала она уверенно, – ты парень крепкий, как Крабоид, По телу ты его двойник, только мордой моложе. И глаза у тебя голубые, а у Крабоида коричневые.

– Кто такой Крабоид? – спросил я.

Она посерьезнела.

– Вижу, память тебе отшибло здорово. Можно свое имя забыть, но не Крабоида... Сейчас поедим, а от чашки крепкого кофе мозги обязательно заработают!

Послышались шаги, я не стал оглядываться, Кощя и так увидел, потом все же оглянулся, так естественнее, а он сказал жизнерадостно:

– Ну вот видишь, цел и даже здоров!.. На Ксюху смотришь так, будто знаешь, что у нее под халатиком ничего нет.

Ксюха огрызнулась:

– Не брешь, сиськи мои на месте. Завтракать будешь?

– Не успеваю, – ответил Кощей. – Налей кофе, я бегу.

Она проделала сложные манипуляции с приборами на кухне, один наклонила над небольшим сосудом из белой субстанции, из узкого горлышка полилась струя темной и достаточно горячей для людей жидкости.

Кощей, не садясь, жадно схватил, сделал глоток, поперх-

нулся, но сказал с одобрением:

– Молодец, Ксюха, не пожадничала!.. Это ради гостя, да?.. А то все о здоровом образе жизни... Кофе, травка и алкоголь уже признаны полезными! Британскими как бы учеными.

Я молча смотрел, как он торопливо допил кофе и отступил к двери.

– Прощаюсь, – сказал он окрепшим голосом. – Вечером, надеюсь, увидимся.

– Исчезнешь, – сказала Ксюха, – ты такой, всегда слынишь от неприятностей.

Он сказал обидчиво:

– А кто остался к тобой на ночь?.. Это Тюпа слинял, а не я.

– Я не такая уж и неприятность, – напомнила Ксюха. – Я ж не только ноги раздвигаю!

– Ты хорошая, – произнес Кошей примирительно. – До вечера!

Он вышел, я видел, как прошел в коридор, а потом на улице побежал к притормозившему большому длинному автомобилю, набитому людьми.

– Ну и ладно, – пробурчала Ксюха, хотя чуточку недовольным голосом, – нам останется больше. Давай-ка положу на твою тарелку.

Глава 4

Я смотрел, как перекладывает на мое блюдо большой ложкой горку парующей каши, называется гречневая, я запоминаю все легко, люди сказали бы, что у меня абсолютная память, хотя это не так, просто записываю в себя все, что вижу и слышу, чтобы постоянно обдумывать, сопоставлять и пытаться понять смысл тех или иных звуков и жестов этих существ, представляющих высшую форму биологической жизни.

Пока понял главное, как питаться и куда эти существа убирают отходы. Для этого существуют кухня и туалет, назначение остальных комнат пока не понял, тем более – оборудования в нем, но в памяти легко найти похожие примеры, как с этим всем обращаются другие.

Она заметила, что я поглядываю на работающий экран телеприемника, уставилась с удивлением и надеждой на меня.

– Ты что, это понимаешь?

– Нет, – ответил я честно. – Просто смотрю.

– Так посмотри что-то интереснее, – сказала она с энтузиазмом. – Спорт или шоу!.. А новости науки... это же муть!

– Мне все интересно, – признался я.

– Но если не понимаешь...

– Не понимаю, – согласился я.

– Тогда зачем?

– Запоминаю, – пояснил я. – Вдруг пригодится?

– Или зацепка мелькнет? – предположила она. – Вообще-то да, смотри-смотри!.. Я вот даже когда на Кощея смотрю, иногда такая умная мысль выскользнет, даже стыдно. Представляешь, смотреть на Кощея и думать про умное?.. Еще смешнее, чем смотреть на меня.

Я кивнул, так делают, когда понимают и когда делают вид, что понимают, а она положила на горку гречневой каши ломтик жареного мяса, такое обожал поглощать отчим моей девочки, и придвинула мне вилку.

– Налегай!

Я принялся за еду, как это делается уже видел не раз, гречневая каша и мясо аккуратно складывается в емкости, которые я сразу создал для них.

Она наблюдала с интересом.

– Аристократ... Даже не чавкаешь и не сопишь. А у Кощея все изо рта валится. Ешь-ешь. Сейчас блинчики допекутся к кофе... Мы попьем зерновой, это Кошеем я из растворимого, вштыривает сильнее, а мы как белые люди...

– Хорошо, – ответил я, подумал и добавил фразу, которую слышал часто, – ты все делаешь хорошо.

Она сказала гордо:

– Ты еще не все знаешь!.. В постели я вообще чудо, как говорят... Не горячо? Это же кипяток, а ты его залпом!

– Люблю горячее, – сказал я. – Чтобы как в недрах звезд...

– Ой, – сказала она, – ты был астрономом?

– Нет, – ответил я, – я не был астрономом.

После кофе я сходил в туалетную комнату, где выбросил гречневую кашу, мясо и даже кофе в унитаз, затем аккуратно спустил воду, это что-то ритуальное. Камень могу проглотить и растворить моментально, но все, что сложнее по структуре, просто игнорирует мои попытки, хотя, казалось бы, раз уж весь мир из одних и тех же частиц...

Когда вышел в коридор, Ксюха сказала одобрительно:

– Вижу, хоть это не забыл. Ха-ха, шутка!.. Такое если и забудешь, организм напомним. А руки мыть не обязательно, уже доказано. Конечно, британскими учеными.

Ну да, подумал я, биологическая жизнь подчиняется очень странным и очень сложным законам. Все обязаны есть, испражняться и спать, без этого распадутся на составные элементы. Что странно, собраться вновь в целое так же просто, но почему-то не могут.

– Никуда не уходи, – предупредила она. – Я в магазин и обратно. Лучше вообще не поднимайся с дивана!.. Это привилегия слабого мужского пола. Вот пультик, символ власти в семье, попереключай каналы. Три последних с порнухой, можешь посмотреть, вдруг что-то вспомнишь...

Она хихикнула и, ухватив большую сумку, простучала каблучками к входной двери.

Я кивнул ей вслед, это движение подсмотрел у многих, а когда она вышла, продолжал рассматривать сменяющиеся изображения на экране.

Местные существа из-за крайне медленного обмена веществ не способны видеть отдельные картинки, для них это мелькание сливается в одно плавное движение, это для меня каждая по отдельности, приходится прилагать усилия, чтобы воспринимать это так же, как эти существа.

Сейчас понимаю, глупо было мне становиться, как я пробоval, подобным дереву, кустам, а потом и вовсе зверьком. Тем более что не становился ими, а всего лишь принимал их форму, но то были первые попытки как-то понять, взаимодействовать с таким невероятнейшим явлением во Вселенной.

У меня другое понятие времени, в тех попытках прошли то ли годы, то ли столетия, помню только как мелькало то, что здесь называют сменой сезонов, затем как-то увидел между деревьями двух существ совершенно нового вида. Скопировал одного из них, снова ничего не произошло, а когда пошли обратно, отправился следом, сперва на четвереньках, потом неслышно перемещаясь с дерева на дерево, чтобы держать в поле зрения, наконец, решил скопировать все их движения, и пошел на нижних конечностях, а верхние бесцельно болтались, пока не уловил ритм, как ими шевелят при ходьбе те двое.

Так тогда и пришел к старому и сильно запущенному домику на опушке леса...

Наблюдая за экраном телевизора, я увидел сквозь стену между комнатами и внешней дверью как с той стороны к ней

подошел крупный молодой мужчина, высокий, с уверенными движениями. Стучать не стал, просто повернул ручку и по-хозяйски вошел, шагая широко и доминантно.

– Ого, – сказал он громко, – а у нас гости!.. Это кто же пожаловал к нашей общественной Ксюхе?

Я подумал над ответом, он же задал вопрос, нужно отвечать, хотя в каких-то случаях люди не отвечают, уже видел, но еще не понял в каких, потому ответил ровным голосом:

– Это я пожаловал.

Он остановился передо мной, нахмурился.

– Вообще-то сидя отвечать невежливо.

– Да? – спросил я. – Тогда встану.

Он нахмурился еще больше, когда я встал и оказался на два пальца выше, а мужчины этого мира, как я понял, считают это оскорблением.

– Ну и кто ты? – спросил он громче, чем следовало, я же рядом.

Я ответить не успел, он с усмешкой опустил широкую, как лопата, ладонь на мое плечо. Я скопировал его усмешку и тоже опустил руку на его плечо, повторяя во всех мелочах.

Его пальцы крепко стиснули оконечность моего плеча, лицо напряглось и застыло, словно превратилось в камень.

Я понял, что нужно ответить тем же, тоже стиснул, чувствуя, как пальцы легко вминаются в это биологическое образование. Там в глубине сочно захрустели и затрещали, словно веточки кустарника в лесу, суставы и косточки, на

которых держится окружающая плоть.

Он вскрикнул, попытался отодвинуться. Я тут же отпустил, он с тихим воем отскочил, из раздавленного плеча брызнули струйки красной жидкости. Плоть слиплась в лепешку сырого мяса, а красные струйки побежали по рубашке, повинаясь местной гравитации.

Бросив на меня полный ужаса взгляд, выметнулся из комнаты. Я видел, как пробежал, натываясь на стены, к выходу из дома, а на улице добежал до своего автомобиля и ввалился внутрь.

Ксюха пришла быстро, все никак не научусь ориентироваться по их времени, с порога вскрикнула расстроено:

– Ленка сказала, кто ко мне собирается Камнеед!.. А это такой гад, такой гад... Тебе лучше убраться, пока он не...

– Это такой крупный, – спросил я, – с желтыми волосами?

Она охнула.

– Что? Ты его видел?

– Да.

– Где?

– Приходил, – ответил я. – Сюда.

Она охнула громче.

– Ой-ой... и что сказал?

Я подумал, старательно вспоминая, что он сказал мимикой, телодвижениями, феромонами и хореографическими символами, но лишь пожал плечами.

– Вроде бы ничего особенного... Хотя феромоны выдают

некую волнительность...

Они вскрикнула:

– Волнительность?.. Ты это называешь волнительностью?

– Так слышал, – ответил я и указал на экран телевизора. –

Оттуда. Хотя феромоны...

– Феромоны? Что за феромоны?

Я спросил запоздало:

– Ты не слышишь запах? Тогда мне почудилось...

Она потянула носом, поморщилась.

– Да, как будто кто-то усрался. И что?

– Это его запах, – ответил я. – Но мне сложно понять этот язык.

Она посмотрела на меня искоса.

– Ты уже острить научился, что ли?

– Нет, – признался я, – просто мне показалось... что запах тоже о чем-то говорит.

Она вскрикнула взволнованно, но уже с заметным облегчением:

– Конечно, запахи говорят! Иначе всякие там олигархии парфюмерии уже милостыню просили бы в метро... Но этот запах... Поверить не могу! Что ты ему сказал? Чего он испугался?

– Ничего, – ответил я чистосердечно.

– А что ты сделал?

– Просто улыбнулся, – сообщил я. – В знак общения.

Она содрогнулась.

– Ну да, меня тоже иногда передергивает, когда вижу твое лицо. Тебе нужно лучше следить за мимикой.

– Это как?

– Как-как, – отрезала она сердито. – Вот так!.. Смотри!

Она начала кривить лицо, диапазон вообще-то невелик, но я запоминал, люди говорят, что важны нюансы, наконец сказал:

– Все запомнил. Теперь поясни, когда в каком случае нужно делать такие вот сокращения лицевых мускулов?

Она передразнила:

– Лицевых мускулов... Кем ты, интересно, был?.. Такие выражения! Вот смотри, если человек тебе нравится, то делаешь вот так... Лицом, понял? Губы вот так, брови сюда, глазами... глазами делай!.. Эх, как-то все равно страшно. Ладно, еще потренируемся, у меня времени много.

– А что такое время?

Она вздохнула.

– Да-а, нам придется начать с сотворения мира...

– А ты знаешь? – спросил я с интересом. – Расскажи!

Они принялась вынимать из большой сумки продукты, без которых эти существа не могут жить, но зачем-то перекидывала в вертикальный белый ящик. Такой точно я видел в доме у девочки, но не понял зачем он, да и сейчас не понял, но явно что-то очень важное, всю еду обязательно размещают там по полочкам, а затем плотно закрывают.

Возможно потому, что там чуть-чуть ниже температура,

чем в комнате, для этих хрупких существ это очень важно. И вообще весь этот биологический мир существует в таком узком диапазоне температур, радиации, излучения и всего-всего, что просто невероятно, как возник и тут же не рассыпался снова на элементарные, как здесь говорят, частицы.

Возможно, человек и создает все это вокруг себя, чтобы защититься от чужого для него мира. Тогда кто он? Может быть, в самом деле раковая опухоль, как я уже дважды услышал по их коммуникатору с двигающимися картинками?

Весь биологический мир в близком родстве, все почти одинаковы, только у насекомых по шесть лап, а у тех, кто считается высшими, по четыре, в этом кошечка, которую я снял с дерева, и люди абсолютно одинаковы. У всех по два глаза, все видят и слышат почти одинаково, но эти, что ходят на задних конечностях, все-таки завоевали доминантное положение по всей планете, хотя от остальных не так уж и отличаются.

Из кухни донесся веселый вопль:

– Щас будет обед!.. У меня все на скорую руку, я быстрая, но есть все равно можно!.. Ты на балконе? Смотри, не выпади через перила!

Я кивнул, но вспомнил, что она через стены меня не видит, ответил громко:

– Не выпаду.

Впрочем, выпасть могу, не обратив внимания на эти

ограждения, для меня они – как для существ этого мира туман. Пройду насквозь и не замечу, но упасть для меня сложно, воздух такая же материя, как и стены этого дома.

Глава 5

С балкона человеческий муравейник распахнулся во всей красе. В крупных муравейниках бывает по миллиону особей, а здесь не меньше десяти, и хотя люди не настолько специализированные, человеческий род насчитывает от силы миллион лет, а у муравьев прошло миллионов триста, прежде чем одни, что проводят время в подземельях и ухаживают за беспомощными новорожденными особями, начали отличаться от собирающих на поверхности корм, и даже от драчливых особей, с которыми находятся бок-о-бок на поверхности.

Но у муравьев один-два ганглия в их крохотном мозгу, а у человека миллиарды, потому один и тот же человек может быть и нянькой, и рабочим, и солдатом, а все самки могут стать матерью-основательницей рода и даже всего человечества, как у них случилось, начиная с Евы, если я правильно интерпретирую сведения, полученные из телепередач.

Вообще, на этой планете постепенно побеждали те виды, которые умеют сбиваться в стаи или в стада. Несколько пасущихся вместе быков с легкостью отбиваются от львов, защищая самок и телят, держа их внутри круга, а волки выжили и распространились только потому, что освоили совместную охоту, а вот одиночные животные постепенно деградируют, зоны их охоты хоть и медленно, но сокращаются, вытесняе-

мые социальными видами.

Пока человек жил семьями, как волки, он мало чем отличался от волка, однако только он сумел семьи объединить в племена, а племена в народы, что дало ему огромное преимущество над всеми животными.

За спиной прошелестели шаги, я подвинулся, Ксюха встала рядом и взялась пальцами передних лапок, где пальцев столько же, как и у собачек или мышек, за ограду балкона.

– Как... ничего не проклевывается?

– Проклевывается?

Она сказала сердито:

– Не вспоминается?

– Нет, – ответил я.

– Жаль, – сказала она. – Вдруг ты был мойщиком окон или монтажником-высотником, что с высоты всех шлет... или всем шлет привет? Это же здорово! Лучше нет красоты, чем пос... с высоты!

– Нет, – ответил я. – Я не был мойщиком или монтажником-высотником, что с высоты всех шлет...

– А какие воспоминания?

– Никаких, – ответил я честно. – Но чувствую себя хорошо.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Может быть, я тоже почувствовала бы себя лучше, если бы потеряла воспоминания... Нет, все не надо, есть и хорошие, даже приятные, но их так мало... Но ты лучше ляг,

восстанавливайся... Ой, не здесь! Вернись на диван. Это основное лежбище для мужчин.

Я послушно вернулся в комнату и лег, люди вообще часто принимают горизонтальное положение и остаются в относительной неподвижности довольно долго, даже если не спят. Похоже, так экономят оставшийся в их телах мизерный запас энергии.

Я снова подивился насколько предельно хрупкие существа, и почему эта форма жизни возникла, и почему настолько трепетно неустойчива, любой космический ветерок сдует с поверхности планеты, оставив только раскаленную поверхность, как с планетами и бывает часто.

Не знаю, сколько времени я в этом мире органики, но все еще абсолютно ничего не понимаю в жизни этих существ, называющих себя людьми, потому напоминаю себе еще раз, должен выглядеть и поступать, как они, иначе не пойму своей цели... и что я должен сделать...

Да, должен быть, как все остальные. Пусть даже совершенно не понимая, как и почему. Просто смотреть, как поступают другие, и делать все точно так же.

Лежа на диване, я время от времени менял положение своей массы, стараясь не менять пропорции тела, люди так почему-то не делают... ах да, просто не могут. Намертво всажены в свои тела, это чудовищно, но другой жизни не знают, потому от такого ограничения и не страдают.

Я видел через стену как Ксюха несколько раз хваталась

за коробочку коммуникатора, из нее доносился визгливый голос Кощея, теперь уже знаю, мужчины обязаны говорить примерно так, как Тюпа, чтобы звучало гуще и мощнее, это называется «по-мужски».

Существа биологического мира общаются писком, стрекотом, ревом, воем, щебетаньем, не говоря уже о тактильном языке или хореографическом, люди в этом ничуть не выделяются, но еще наловчились разговаривать друг с другом на больших для них расстояниях с помощью небольших коробочек, с которыми не расстаются, и это дает им огромные преимущества.

Однако, как уже знаю, это преимущество получили совсем недавно, а доминирующее положение в биологическом мире заняли гораздо раньше.

Кощей все выпрашивал у Ксюхи, как там не помер ли этот сбитый автомобилем, Ксюха сердилась и выговаривала, он хохотал и говорил, что это типа шутка, а вообще им повезло, точно не привлекут, но теперь пьяным никогда-никогда за руль, а Ксюха напоминала, что он так и раньше говорил, а он повторял, что на этот раз точно.

– Да все в порядке, – повторила она снова. – Главное, он ни на что не жалуется. Будто в самом деле ничто не болит!

– Болеть болит, – заверил Кощей жизнерадостно, – но у него в мозгу или в позвоночнике что-то отключилось... ну, типа, чувство боли, я о таком слышал. А когда восстановится, он нам такой иск закатит!

– Правда?

– Я бы закатил, – заверил он. – Но теперь кто ему поверит?.. Подтверди в случае чего, что он с тобой переспал. Это для дела, поняла?.. Для спасения наших шкур!..

– Да иди ты, – ответила она сердито, но заулыбалась. – Вот он удивится... Заглянешь?

– Сразу с работы, – сказал он. – Извини, босс идет...

Связь прервалась, Ксюха сунула мобильник в задний кармашек джинсов, выражение лица изменилось, но в какую сторону, пока не понимаю.

Я повернул голову в ее сторону, когда она распахнула дверь в эту комнату, так всегда люди делают или почти всегда, а Ксюха сказала сердитым голосом:

– Не спишь?.. А то Кощей звонил, спрашивал, не повязались ли мы? Вот сразу и повязались, ишь что придумал! Может быть, ты везде ушибленный, тебе покой нужен!.. Тебе же нужен покой? Всем нужен, да только мы не буддисты, что покой ищут, да и они находят только в могиле... ты не вставай, не вставай!.. Не до джентльменства, когда гениталии ушиблены...

Я вслушивался в ее голос, что постоянно меняется, как по высоте, так и громкости, а еще в нем оттенки, которые не понял, но отложил в памяти, чтобы потом разобраться, речь в общении человека имеет решающее значение, эти тайны нужно разгадать и понять, а не только имитировать.

Что ответить, придумать не сумел, потому опустил веки,

продолжая через них наблюдать за этим суевливым существом, и Ксюха, сбавив голос до шепота, отступила и тихонько вышла из комнаты, неслышно притворив за собой дверь.

Я пробыл так в неподвижности несколько часов, затем решил, что это ненормально даже для людей, тихонько вышел на кухню, стараясь не делать лишних движений.

Планета начала поворачиваться в отношении звезды другим боком, Ксюха все чаще поглядывала в окно, наконец сказала неуверенным голосом:

– Скоро Кошей придет... если не брешет. Надо обед готовить.

Я молча кивнул, принимая тот факт, что для этих существ огромное значение имеет положение планеты. Биологическая жизнь тесно связана с ее поверхностью, малейшее изменение в атмосфере сотрет живой мир начисто. Здесь даже от того, какой стороной повернута к звезде, люди и животные либо впадают в оцепенение, либо бодрствуют, а когда перемещается по орбите дальше, и здесь чуть-чуть снижается температура, все оказываются на краю выживания, видел в лесу.

– Не буду мешать, – сказал я подслушанной фразой, – пойду полежу.

Из той комнаты, где диван, через стену хорошо видно, как Ксюха, хорошенькая, как на картинке из модного журнала, и в кокетливом передничке, хлопочет на кухне.

На плите что-то жарится, поднимается пар, на сковороде потрескивает красное мясо с уже коричневеющими краями. У Ксюхи щеки порозовели, а это, как уже слышал с телеэкранов, признак то ли удовольствия, то ли возбуждения, что может быть вызвано множеством непонятных мне пока причин.

От двери донесся мелодичный звонок, Ксюха охнула:

– Кощей!.. Даже на пять минут раньше!

Я промолчал, мне видно сквозь стены как то существо входит в дом и поднимается по каменной лестнице, хотя камень не совсем правильный, что-то в нем не так, словно его не просто доставили из ближайшего выхода на поверхность гранитного пласта, а как-то перестроили, хотя уже знаю точно: никто не планете не способен на такое простое и естественное действие.

Она открыла дверь в мою комнату, я молча вперил в нее взгляд, она сказала торопливо:

– Оставляю открытой, чтоб и ты увидел это чудо!

Я кивнул, она бросилась к входной двери. Кощей вошел уверенный и улыбающийся, Ксюха завизжала и бросилась ему на шею.

Он подхватил ее, она повисла на нем, как кошка на дереве, он покружил по комнате и поставил задними конечностями на пол.

– Чё, думала, не приду?.. Я не Тюпа, тот забился в норку и не показывает нос, будто нас и вовсе уже не знает!.. А мы

сейчас по пивку, я принес, признаем, что жизнь хороша...

Ксюха сказала счастливо:

– В самом деле явился!.. Я думала, тоже скроешься. Вы все такие, как только скажешь про две полоски, сразу...

Он выпятил грудь и сказал напыщенно:

– У нас, джигитов, другие понятия, о женщинах заботимся. Скажи, как о тебе позаботиться? Хочешь, лягу на диван и буду тебя созерцать? Конечно, сперва поем, а после еды полежать нужно обязательно...

Ксюха повернула голову в сторону открытой двери в мою комнату.

– Крабонд, не слушай его!.. А ты иди за стол, а то остынет!

– Сперва руки помою, – ответил Кощей гордо.

Она ахнула:

– Ты что, теперь перед едой руки стал мыть?

– Так говорят, – сообщил он, – когда идут поссать. Вы же скачете посмотреться в зеркало и попудрить носик, хотя уже и не знаете, что такое пудра?

Он уединился, как он считает, в ванной комнате, тонкая дверь не дает возможности друг друга видеть, общаться могут только колебаниями воздуха, а Ксюха торопливо начала раскладывать по тарелкам топливо для их организмов.

Вышел к нам Кощей довольный, с энтузиазмом потер одна о другую ладони.

– Люблю повеселиться. – сказал он, – особенно пожрать!.. А Ксюха, хоть и лоха во всем остальном, готовить умеет. Это

инстинкт, его не пропъешь, не прокопулируешь. Настоящая женщина!

– Что такое инстинкт? – спросил я.

Он проговорил в затруднении:

– Ну... это такое... что ведет тех, у кого нет ума. Вообще-то инстинкт тоже ум, только ниже, ниже... Как крокодил, что хоть и летает, но низенько, низенько... Ну, поест, поспать, трахнуть кого-нить, облегчить кишечник...

Ксюха сказала возмущенно:

– Не за столом!

Кощей сказал виновато:

– Вот видишь, инстинкт это как бы плохо, потому должны быть выше инстинкта, хотя это трудно, мы целиком из инстинктов.

Некоторое время обедали молча, теперь я знаю, как это делают эти существа, повторял все в точности, а если где-то и ошибался, то, как говорят люди, некритично, ни Ксюха, ни Кощей не обращали внимания, больше занятые собой и друг другом.

Когда я все из моей тарелки сложил по пищеводу в приготовленную емкость и хотел было подняться, Ксюха сказала победно:

– Куда?.. Бифштекс дожаривается, а сейчас пока блинчики сделаю, а то не успела...

– Прекрасно, – сказал Кощей. – Это в честь праздника, что выкрутились?.. Ты у нас еще и умница.

Я молча смотрел, как Ксюха льет ложкой жидкое тесто на дно сковородки, там через пару секунд схватывается в плотную массу, быстро выпаривая влагу, Ксюха тут же поддевает полученное широкой лопаткой и бросает на тарелку, а взамен льет новую порцию теста, и так много раз, а горка так называемых блинчиков растет, похожая на многослойный гриб.

Кошей потянул носом, охнул:

– Уже готово!.. Щас пожрем!.. Крабоид, давай сюда сковородку!

Я поднялся, снял с огня сковородку и, преодолев три шага к столу, поставил на столешницу перед Кашеём.

Тот вскочил, уронив стул, на котором сидел, лицо перекосилось, а глаза полезли на лоб.

– Ты чего?.. Стол загорится!.. Сейчас же убери...

Я взял сковородку и поставил обратно на плиту, а когда оглянулся, увидел, как Кошей пытается затереть пальцами желтый круг на том месте, где только что стояла эта горячая посуда.

Ксюха вскрикнула:

– Да ты что на стол смотришь? У него пальцы обгорели!

Я дал ей ухватить себя за руку, она повернула ее ладонью вверх. Лицо тоже изменилось, такое положение мускулов передней части головы обозначает удивление, даже изумление, если верно определяю эти сложные состояния.

– Что?.. У тебя... что-нибудь чувствуешь?

– Да, – ответил я, – пальцам тепло. Наверное, это очень тепло?

Она торопливо открыла кран и сунула мою руку под холодную струю воды.

– Держи!.. Если успеть руку в холодную воду, ожога не будет.

– Брехня, – сказал Кощей от стола.

– Сам ты брехня, – огрызнулась Ксюха. – Я читала!

– В инете, – уличил Кощей с презрением. – Там одна брехня. Но, блин, он даже не почувствовал!.. Значит, нервы еще не включились. Так сторит и не заметит... Я тоже в инете читал, есть такие уроды.

Он перестал тереть стол, мышцы лица изобразили то ли уныние, то ли разочарование, эти оттенки, так важные для людей, пока не различаю, махнул передней конечностью и сел за стол.

Я снова опустился на указанное мне место, Кощей все поглядывает на желтый ободок на столешнице, там испорчено, как считают эти существа. Поверхность должна быть идеально белой, хотя смысла в этом нет, но это не мое дело, я не для того здесь.

Пока ели бифштекс и блины, я всмотрелся в столешницу. Это не то, что люди называют неживой природой, совсем неживой, что никогда и не была по их понятиям живой, а стол когда-то был деревом, то есть живым, но теперь это такое же неживое, как песок или камень.

Продолжая двигать челюстями и делая вид, что я вот просто ем и ем, сосредоточился и начал распылять налет из желтого ободка, одновременно продолжая хрустеть в челюстях поджаренным хлебцем.

Глава 6

Ксюха первой заметила, что желтое пятно, портящее, по их мнению, общий вид стола и всего на свете, незаметно исчезло.

– Ты посмотри...

Кощей сказал авторитетно:

– Там был просто жир. Присохший... Остыл, испарился. Или ты локтями стерла, всегда расставляешь пошире, свою феминскую доминантность демонстрируешь.

– Это ты стер, – сказала Ксюха. – У тебя локти в желтом!.. Это жир на локтях? На штанах вроде бы тоже...

– И на штанах? – удивился он.

– Сзади, – уточнила она. – И много. Даже отвисает.

Он сказал с ленивым укором:

– Женский юмор... Я что, задницей по столешнице ерзал? Где твоя логика. И вообще, мы за столом, не заметила?

Она бросила беглый взгляд на меня.

– Крабоид вроде бы не обращает внимания.

– Но ест без аппетита, – заметил Кощей.

– Но все-таки ест, – сказала Ксюха с надеждой. – Значит, желудок не отбило.

– Желудок и гениталии в самом надежном месте, – напомнил Кощей, – как ни падай, а по ним не стукнет. Ксюха, ты уже посмотрела, у него там все цело?

– А вдруг я застенчивая? – спросила Ксюха и хихикнула. – Не до того было. Крабоид, тебе как, вкусно?

Я кивнул, хотя мне совершенно безразлично, как и что поглощать для усиления тела, достаточно и материи вокруг. Правда, эту сложную биологическую жизнь, которую считают уже убитой, усваивать не могу, потому что все равно не мертва, там миллиарды миллиардов живых существ, называемых здесь микробами и бактериями.

– Вкусно, – ответил я и заставил себя запомнить, что это вот должно нравиться и мне, раз я принял форму тела этого существа. – Да, вкусно.

– И мне тоже, – подтвердил Кощей. – Только недожарено, а это невкусно. И посолить бы не мешало.

Я попытался совместить это «нравится» и «не нравится», что одно отрицает другое, что непонятно и нелогично, здесь нарушен порядок, потому что если нравится одному человеку, то должно нравиться и другому.

– Дурак, – сказала Ксюха сердито. – Вон и нашему Крабоиду нравится. Нас двое против одного!.. Значит, приготовила хорошо и даже прекрасно, а ты выпендриваешься. Интеллигент сраный.

Когда двое против одного, подумал я, то двое правы?.. То же непонятно в этой биологической жизни.

– Интеллигенция, – заявил Кощей, – должна быть бунтарской. Если не мы, то кто?

– Везде должен быть порядок, – сказала она сердито, – а

ты какой-то хаотист беспорядочный!..

Кощей хмыкнул, я молчал, слушал с непониманием. Ничего более беспорядочного и хаотичного, чем эта жизнь даже представить себе не могу, и чем больше наблюдаю, тем она беспорядочнее и хаотичнее, но и здесь, оказывается, стремится к порядку, хотя порядок и есть упорядоченность во всем, соблюдение строгих законов мироздания, что здесь оказались нарушенными.

Я попытался ухватиться за эту мысль, но она ускользнула, осталось только сожаление, как о важной потере.

Вспомнил о девочке, что тогда подобрала меня в лесу, маленький и беспомощный комок, принесла в старый заброшенный сарай, где и пыталась устроить гнездышко, как приговаривала, или логовце, еще не понимая, что я за существо.

Там был еще больший беспорядок, чем в лесу, что тогда вызвало у меня сильнейшее беспокойство, лишь теперь понимаю, откуда пришло. В доме трое особей, доминантная тиранит двух других, что являются самками, как я понял намного позже, причуда биологической жизни, разделившей эти существ зачем-то на два пола.

Девочка большую часть времени проводила в сарае, а если и выходила, то крадучись, как лесной зверек, прислушивалась, и, если самца в доме не оказывалось, торопливо шмыгала в дом, где мать ее кормила, после чего убегала снова.

Я по ее примеру научился так же крадучись выходить из сарая, прислушивался, и, если самца не оказывалось в доме,

подходил и смотрел сквозь стены, стараясь понять и не понимая, что там внутри.

Самка часто поворачивалась к темному плоскому прямоугольнику на стене, я прошелся по всем диапазонам зрения, пока не наткнулся на тот, в котором идет странно измененный поток электромагнитных волн, в этом непонятном устройстве преобразуется и выводит на плоскую поверхность изображения.

С ними тоже разобрался, хотя и с трудом, пришлось долго подстраивать восприятие, чтобы совпадало с человеческим, иначе как пойму, что это за жизнь и почему у меня в связи с нею постоянное чувство тревоги.

Ксюха повернула ко мне голову, я ощутил на себе ее вопрошающий взгляд, собрался и сказал нужным голосом:

– Вкусно, очень вкусно!

Ксюха взвизгнула:

– Кашеюга, видишь!.. Крабоиду даже очень вкусно!.. Держи чашку, горячего кофейку добавлю...

Поздно вечером они затихли в своей комнате, называемой спальней, а я некоторое время лежал на спине, уставившись в потолок и старался понять истоки своего беспокойства. Эта биологическая жизнь невероятно хрупкая, малейшее дуновение космического ветра сметет с поверхности планеты все, как и любое изменение температуры все сожжет или заморозит, что наверняка скоро случится, так почему я здесь и

что должен сделать?

Должен исправить, произнесло нечто во мне. Здесь все неправильно...

Всплыла картинка захламленного сарая и плачущая девочка, маленькая и хрупкая, на щеке синее пятно, а это значит, там гематома, сильно ударили... Я видел ее такой несколько раз, но это их жизнь, меня не касается...

Не сдвигаясь с места, я передвинулся из этой комнаты в темный угол сарая, где девочка прятала меня и лечила, как она считала. Со стороны мое перемещение выглядело как если бы мое тело, имитирующее форму человека, растворилось в воздухе, а собралось там, хотя все намного проще, нет ни «там», ни «здесь», просто для существ этого биологического мира понятие квантовой одновременности недоступно, потому я по их понятиям там исчез, а возник здесь, в старом сарае, хотя на самом деле перемещаться не пришлось, но этот процесс пока здесь недоступен даже для объяснения.

Одежда на моем теле точно та же, хотя это не одежда, а имитация, но местные существа с их предельно слабыми органами чувств не увидят разницы.

Сарай забит старым хламом, теперь знаю, что хлам, хотя для меня все эти вещи непонятны так же, как и в тот день, когда увидел впервые. Ощутились запахи, их научился чувствовать как раз здесь, слабое излучение центральной звезды этого удаленного места, сырость, помню, не сразу сумел настроить себя так, чтобы чувствовать то, что ощущают и

как воспринимают окружающий мир эти существа...

В этом сарайчике ухаживала за мной, представляя, что я либо израненная белочка, с которой содрали шкурку, то ли вообще неведомая зверушка, а я при ней уже не старался понять этот мир, только собирал все силы, чтобы не рассыпаться снова и снова, не раствориться, раздираемый сложностью и непонятностью.

До того момента, когда нашла меня, я рассыпался столько раз, не в состоянии симитировать то, что увидел, что даже не стараюсь вспомнить эти попытки. Могу превратиться в любой камень, могу рассыпаться в атмосфере этой планеты, называемой воздухом, и собраться снова из тех же частиц, из которых воздух, или любых других, но долго не мог даже симитировать простейший куст, дерево или мох на дереве...

Да и сейчас не могу, но тогда не знал, все пытался и пытался. И хотя непорядок то и дело возникает везде, но там это понятные аномалии с трансформацией пространства, их устранять легко, только в этой части вселенной произошло то, из-за чего я здесь.

Странно, что острее всего ощутил неправильность, когда всхлипывающая девочка принесла меня в темный угол сарая и принялась, как она считала, лечить.

Смутное ощущение, что страдает от этого неустройства тоже, а сейчас я здесь потому, что чувствую желание как-то исправить, хотя не представляю как.

Девочка в доме, я слышал ее тихий безнадежный плач, а

также визгливый голос женщины и грубый рев самца, заметно раздраженного и свирепого.

Как поступить, совершенно не представляю, хотя чувствую, что здесь вселенский порядок нарушен, но если вмешаюсь, не понимая, что делаю, то может получиться гораздо хуже.

Послушал их голоса, всмотрелся в движения всех троих, особенно доминантного самца, но все равно ощутил тягостное бессилие понять их слова и действия.

От дома как раз удаляются двое, самец и самка, оба в особой одежде, это чтобы остальные издали узнавали стражей порядка, хотя, как мне всегда казалось, порядок должны соблюдать все.

По ту сторону плохой дороги, протоптанной прямо в траве, ждет автомобиль с эмблемой стражей порядка на боку и мигающей вроде пульсара штукой на крыше.

Мужчина и женщина, стражи порядка, подошли к автомобилю, самец остановился и закурил, тоже очень странный ритуал, я пытался связать его с получением пищи, но так и не понял, как их биологические организмы могут потреблять с пользой этот угарный газ.

Он показался мне похожим на большое животное, с короткой шерстью на голове и обильной на груди и животе. Лицо тоже крупное и массивное, с недоверчивым взглядом глубоко посаженных глаз.

На руках и ногах шерсти меньше, а у его напарницы во-

лосы только на голове, тело абсолютно чистое, даже в паху и в подмышечных впадинах гладко. Волосы ее красные, как лесное пламя, коротко подрезанные, глаза крупные, широко расставленные, сама невысокая, крепенькая, но с хорошей, как здесь считают, фигурой, то есть не худая и не толстая, что-то среднее. Вторичные половые признаки выражены слабо, но сейчас это, как здесь говорят, в тренде, что значит, считается наиболее правильным.

Курить она не стала, в раздражении пнула ногой колесо автомобиля.

– Оба сволочи!

Мужчина буркнул:

– Я бы сажал таких родителей...

– Мать законченная дрянь, – сказала женщина зло, – даже не знает от кого родила. Удивительно, у такой вечно пьяной наркоманки здоровый ребенок, а у непьющих и правильных интеллигентов то сын debil, то дочь даун... Как еще девочку насиловать не начал!

Он зажал сигарету в ротовом отверстии, обеими руками похлопал себя по карманам, лицо выразило туповатое изумление, а женщина протянула ему свою плоскую коробочку с экраном.

– Ищи на моем.

Он взял, повозил там кончиком пальца.

– Марианна, да ты рехнулась, кто же айпадами еще пользуется?.. И как-то работает не так... Вирусов накачала?.. А

то у меня кто-то деньги спер, а ты на другой день дорогой коньяк купила, что подозрительно...

– У меня был день рождения, – отпарировала самка, которую он называл Марианной. – Вон то синее окошко с глазиком!

Он снова повозил пальцем, поморщился.

– Ага, вон он... Ого, столько приводов! Драки, дебош, хулиганство... Отдельвался штрафами, но все равно не платил, а то и вовсе порицаниями... А-а, вот еще нечто покрупнее... Дважды судим, оба раза отбывал в Воркутинской колонии... Обвинялся в изнасиловании, но запуганные жертвы отказались от исков... Ага, бывший боец без правил, есть даже титулы, но лишился из-за связей с криминалом...

Она сказала с сердцем:

– Чтоб он провалился, сволочь!.. Как его только земля носит?..

– Да, – буркнул он, – все еще носит, к сожалению.

– Вечно пьяный идиот, – сказала она зло, – и единственный дурак в округе, кто к ней все еще ходит. Чтоб он провалился, сволочь!

– К ней и другие ходят, – уточнил он, – но этот еще и остается на ночь, скотина. Черт с ними, но если бы ребенка не трогали...

Она сказала со вздохом:

– Пока соседи жалобу не накатают, мы связаны по рукам и ногам. Чтобы лишить мать родительских прав, нужны се-

рьезные основания. А еще долгая бюрократическая волокита.

Он подумал, сдвинул плечами.

– Соседи не хотят связываться. Это на тебя или меня могут жаловаться, а его побоятся. Тут же морды разобьет и зубы вышибет!.. Может, как-то подставить или спровоцировать?.. Тут же явимся и повяжем. Еще и какой-нибудь висяк перекинем для надежности!

Она буркнула:

– Это незаконно.

– Зато правильно, – возразил он. – Сразу восстановим порядок!

Я слушал внимательно, из тех быстро сменяющихся картинок на экране уже слышал подобное, но до конца не уяснил смысл, потому что это стражи порядка, уже знаю, но иногда порядок восстанавливают не совсем прямо, слышал тоже, но не понял.

Глава 7

Некоторое время оба говорили уже на другие темы, там еще непонятнее, я неслышно переместился к ним и спросил:

– Правильно ли, что вы готовы нарушить закон, только бы помочь тому маленькому человечку?

Они обернулись, испуганные и встревоженные. Мужчина ухватился за кобуру с пистолетом, а женщина сказала зло:

– Не смейте подкрадываться!

– Со спины, – уточнил мужчина. – Кто вы, гражданин?

– Опекун, – ответил я.

– Что? – проговорил он с нарастающим раздражением и подозрительностью. – При живых родителях?

– А что, – спросил я, – нельзя?.. Я хочу, чтобы ей было хорошо.

Женщина сказала напарнику неприязненно:

– Проверь, нет ли этого типа среди педофилов.

Он хмыкнул.

– Если бы они регистрились у нас... А у тебя что, на планшете вся база данных?

Она ответила сердито:

– На планшете не поместится, но в участке есть все. Гражданин, вы проедете с нами. Так, для выяснения.

Я ощутил беспокойство, со словом «участок» у местных существ связаны какие-то неприятные ассоциации, от-

чим девочки вообще произносил это слово с отвращением и ненавистью.

– Я не хочу неприятностей, – ответил я услышанной среди людей фразой.

– Никто не хочет, – ответил самец, – но сами нарываетесь. В машину!..

Женщина ухватила меня за локоть, я не противился, это нельзя, таких обязательно смиряют, а запихиваемые в автомобиль обязательно выкрикивают какие-то угрозы, но я не знал, что кричать, и молча дал запихнуть себя на заднее сиденье.

Женщина села впереди слева и опустила обе руки на руль, хотя это всего лишь так называемая баранка, видимо, потому, что по форме напоминает их распространенное блюдо из размолотой муки.

Мужчина опустился на сиденье с нею рядом, пристегнул ремень, а когда женщина вырулила между кочками и деревьями на ровную дорогу, покрытую асфальтом, бросил мне через плечо:

– И что ты еще слышал?..

Я ответил с заднего сидения:

– Слышал? Да все слышал. И что ваш завхоз ворует, и что ваш начальник полный дурак, вечно пьяный, пытается скрыть, но такое не скрыть...

Женщина что-то прошипела сквозь зубы, а мужчина рывкнул:

– Не знаю, то ли пристрелить тебя по дороге, то ли вывести вон в тот лесок... Не хочется участок таким поганить...

– Не получится, – сказал я.

Он спросил настороженно:

– Чего вдруг?

– Я пуленепробиваемый, – сказал я.

Женщина сказала зло:

– А если я попробую?

– Попробуйте, – согласился я.

Она сказала еще злее:

– Ну да, чтобы нас обвинили в применении оружия?.. Даже за угрозу можно значка лишиться... Шерлок, не кипятись! Что-то в нем странное. Его в участок нужно обязательно. Там этого типа расколют быстро. Хотя он кого-то мне напоминает....

Я промолчал, Шерлок поинтересовалась живо:

– Кого? Может, он тот и есть.

Она покачала головой.

– Может быть... но тот сейчас в тюрьме отбывает за двойное убийство. А этот больше фигурой и даже мордой похож на Крабоида...

Шерлок вздохнул:

– Да, Крабоид... теперь это только легенда. Говорят, он в последнее время стал не то Алексеем Васильевым, не то Василием Алексеевым... это чтобы скрыться от мира, как бы сразу потеряться в общей биомассе...

Она сказала утешающе:

– Ничего, память о великом Крабоиде в наших сердцах осталась!..

Шерлок повернулся ко мне вполоборота.

– Эй, похожий на Крабоида... тебя как зовут?

Я подумал, что здесь у всех есть имена, а у меня до сих пор нет, ответил ровным голосом:

– Крабоид.

Марианна хохотнула, а Шерлок сказал кислым голосом:

– Ну вот, я ж говорил, он под него косит. И мышцы накачал, как у Крабоида.

Он ругнулся, но я понял, что злится не из-за меня, впереди на дороге автомобилей слишком много, замедляют ход, останавливаются. Впереди уже сгрудились, как стадо овец, множество этих странных механизмов с блестящими спинами.

Марианна, шипя от злости, включила сирену и мигалку, ее автомобиль послушно свернул на обочину. Двигаемся по ней медленно, дорогу нам уступают неохотно, но все же сдвигаются, чтобы мы могли проехать.

Я рассмотрел впереди два поврежденных автомобиля. Из одного спасатели в их странной одежде вытаскивают тело залитого кровью человека и передают людям в белом, рядом стоит белая машина побольше, на ней нарисованы большие красные кресты.

– Лихачи, – буркнула Марианна зло. – Считают, что закон

им не писан.

– Что такое закон? – поинтересовался я.

Она вздохнула.

– Дураком прикидываешься?

– Я получил контузию, – ответил я. – Все забыл. Сейчас ждем, когда память восстановится.

Шерлок фыркнул, не поверил, уже чувствую по его лицу, фигуре, жестам и даже феромонам, а женщина сказала со вздохом:

– Ты и про закон не помнишь? Все забыть можно, но закон помнить надо.

– Но я забыл...

– Закон, – ответила она раздраженным голосом, – это закон. Это правильность во всем. Автомобилисты должны соблюдать правила дорожного движения, а поезда и самолеты расписание. Закону должны подчиняться все так же, как планеты подчиняются законам небесной механики уже миллиарды лет, как Солнце светит шесть миллиардов, а Вселенная развивается, согласно законам небесной механики... В общем, все должно быть правильно. Это моя работа.

Я посмотрел на нее в изумлении.

– Это делаешь ты?

Шерлок хохотнул, Марианна поморщилась.

– Не одна, конечно. Но, как могу, обеспечиваю порядок. Закон и порядок. В той части мироздания, где нахожусь.

– Порядок, – повторил я, – это тоже закон?

Она посмотрела с подозрением, но у меня серьезное лицо, жду, она наконец ответила со вздохом:

– Ты и это забыл, да?.. Порядок – это порядок... Это же главный закон Вселенной. Порядок должен быть во всем. В одежде, как сказал Чехов, в поступках, в законах... как уголовных, так и гражданских, как есть он в движении планет, звезд, галактик...

Я переспросил с интересом:

– Ты знаешь о порядке в движении планет?.. Галактик?

Она сказала недовольно:

– Нет, конечно. Но знаю, там порядок!.. Астрономы наблюдают за звездами уже пять тысяч лет со времен древних египтян! И все говорят, что среди звезд порядок. И планеты двигаются по своим орбитам секунда в секунду!.. Так бы двигались эти черепахи на шоссе... А то ползут-ползут, разговаривая по мобильнику или подкрашивая губы, а потом врубают на полную!.. Идиоты. Я бы у таких отбирала права. За опасный стиль вождения. Представляешь, если бы звезды начали двигаться так, как захотят?

Я подумал, кивнул.

– Да, звезды и планеты двигаются очень точно, там все понятно на тысячи тысяч лет вперед.

Шерлок сказал очень серьезным голосом:

– Ты еще про галактики скажи.

Она огрызнулась:

– И скажу! И галактики, и черные дыры, и все-все в космо-

се подчиняется порядку! Только здесь в этой гребаной жизни за порядком следим мы. Потому так плохо получается!

– Получается, – возразил Шерлок. – Мир еще цел. Мы как атланты, что держат небо на каменных плечах. И пока мы держим...

Марианна покосилась на мое неподвижное лицо.

– Понял? Такой же порядок должен быть и среди людей. Но многие нарушают, это вносит хаос. Мы вот с Шерлоком и боремся с этими людьми. Человек, который вел ту разбитую машину, нарушил порядок и правила. Сам погиб или покалечился и мог убить других людей, если не убил... А на дороге ты видел какой хаос сотворил? Даже мы с мигалкой и сиреной еле протиснулись, но ценное время потеряли!

Шерлок вздохнул:

– Да, жизнь коротка...

Я повторил медленно:

– Закон и порядок... Очень интересно. Значит, поддерживаете между людьми такой же закон, какой в мире звезд и галактик?

Она сдвинула узкими плечиками.

– Стараемся. Но люди часто нарушают, а хаос – это всегда плохо.

– Хаос всегда плохо, – согласился я. – Вы делаете очень хорошее дело. Закон и порядок нарушать нельзя!

Она снисходительно улыбнулась.

– Рада, что ты это понимаешь. Значит, не безнадежен.

В передней части экипажа запищало, быстрый женский голос произнес:

– На улице Каратыгина, дом семнадцать вооруженное нападение!.. В заложники захвачен проживающий там бизнесмен и его семья!.. Всем постам!

Мужчина, которого Марианна назвала Шерлоком, ругнулся.

– Это же соседняя улица, а дом на углу... Что делать будем, старший детектив?

– А ты что предложишь, мудрый и бывалый?

– Гони, – велел он. – Ты старшая, ты командуешь.

Она молча крутнула колесо руля, автомобиль взвизгнул тормозами и на большой скорости свернул в переулок.

Он сказал повеселевшим голосом:

– Если заложники, то очень серьезное!

– Что-то придумал? – спросила она напряженным голосом.

– Главное, – ответил он бодрым голосом доминанта, – первыми прибыть на место преступления. За это если и не премия, то рукопожатие перед строем... После пяти рукопожатий повышение в звании. Без прибавки жалованья, правда, но с перспективами.

– Трепло, – сказала она сердито.

Автомобиль, почти не снижая скорости, подлетел к двухэтажному дому. Женщина резко нажала на тормоз, велела Шерлоку:

– Пристегни задержанного.

Тот, подмигнув мне, быстро и ловко пристегнул мою руку металлическим браслетом с цепочкой к дверке. Оба выскочили почти одновременно, резко захлопнув за собой эти блестящие штуки, похожие на увеличенные надкрылья большого жука.

Я наблюдал, как подбежали к дому, держа оружие в обеих руках, попытались заглянуть в окна, но там мешают жалюзи, а я подумал, что раз у них все изменилось, то и мне можно не оставаться в этом передвижном устройстве.

Самец первым уловил мое присутствие, оглянулся, глаза его расширились.

– Ты... ты как вышел?

– Вышел, – согласился я с крыльца. – Это сюда вам веле-
ли?

Они вскрикнули оба, а я открыл дверь и вошел в дом. В прихожей от неожиданности отшатнулся самец с большим пистолетом в руках, охнул, прокричал:

– Лайдак, тут какой-то отмороженный явился...

Я прошел мимо в большую гостиную, двое мужчин вскочили и направили на меня оружие, трубки, сеющие смерть существам этого мира. Я смотрел в эти черные отверстия, их называют дулами, и вспоминал, что оттуда с огромной для местных существ скоростью вылетают раскаленные комочки металла, с силой пробивают мягкие тела местной фауны, из-за чего те истекают красной жидкостью и перестают функ-

ционировать, как общее целое.

– У вас заложники, – сообщил я. – Говорят, это нехорошо.

Они захохотали, но один сказал нервно:

– Либо менты узнали слишком рано, либо это один из местных идиотов, что живут поблизости.

– Освободите заложников, – попросил я.

Просмотрев весь дом, для чего пришлось перейти на зрение, недоступное этим существам, я увидел троих связанных на полу в ванной, и сказал тем же ровным голосом:

– Они в ванной. Я их освобожу.

Я сделал шаг в ту сторону, самец заорал:

– Хрен кто это сделает!

Он выстрелил, а за ним открыли стрельбу его напарник и выскочивший из ванной мужчина с автоматом в руках.

Глава 8

За спиной тоже раздалась стрельба, я увидел, не поворачиваясь, Марианну и Шерлока с пистолетами в руках. Я остановился в середине комнаты, хотел просто поглотить выпущенные в меня пули, но вспомнил по фильмам из коллекции отчима девочки, что люди, которые ворвались следом за мной, потом зачем-то ищут все использованные пули, выковыривают даже из стен, потому просто позволил горячим комочкам металла скользить мимо, даже дал дважды задеть рукав и ткань на плече, чтобы потом застряли в стенах, откуда выковыривать легче.

Когда все трое рухнули на пол, выпуская из себя наполняющую их красную жидкость, Марианна метнулась мимо меня к двери ванной, я слышал, как распахнула там дверь и прокричала:

– Полиция!.. Все в порядке, вы свободны!.. Тихо-тихо, сейчас развяжу...

Шерлок ошалелыми глазами смотрел то на троих умирающих, то на меня.

– Ты что... идиот?

– Да, – ответил я и старательно изобразил человеческую улыбку. – А что, это незаконно?

Он вздохнул:

– Теперь неприятности будут уже у нас.

Я сказал:

– Так я пойду?.. Вы же теперь заняты?

Он быстро оглянулся в сторону ванной, поколебался, но сказал быстро:

– Хорошо, уходи, чтобы тебя никто не видел. Так для всех лучше.

– Хорошо, – ответил я и вроде бы ответил правильно, потому что самец не стал останавливать, когда я вышел из дома и скрылся в темноте.

На самом деле уходить я не стал, вошел в незримость и смотрел внимательно, стараясь понять, как все происходит, хотя уже видел такое в фильмах, но в тех фильмах не было меня.

Сквозь стену дома я хорошо видел, как Марианна вывела из ванной комнаты перепуганного старого мужчину и двух женщин, одну совсем маленькую. Шерлок сделал Марианне какой-то знак, она закрыла уже распахнутый было рот, и повела освобожденных наружу.

Прозвучали сирены двух автомобилей, один больше похож на автобус, но поменьше, быстро подрулил к дому и остановился у входа.

Я наблюдал, как выскочили люди в защитной одежде из металла, ринулись, держа оружие на изготовку к крыльцу, но там из распахнутых дверей навстречу выбежали эти похищенные, а следом вышли Шерлок и Марианна.

Из полицейской машины выбрался толстый грузный че-

ловек в полицейской форме старшего.

Шерлок помахал ему с крыльца:

– Шеф!.. Заложники освобождены!

Человек, которого он назвал шефом, заорал мощным голосом доминанта:

– Что?.. Вам было велено только прибыть и ждать спецназ!.. Вы что натворили? Иванченко, это ваша идея?

Шерлок, которого почему-то назвал Иванченко, вздохнул и развел руками, а Марианна из-за его спины заговорила быстро-быстро льстивым голоском:

– Шеф, мы просто не дали им подготовиться! А спецназу пришлось бы брать штурмом, были бы непредвиденные и неучтенные.

Шеф спросил люто:

– А сейчас?

– Все целы, – заверил Шерлок-Иванченко бодро. – Сами видите. Мы были рядом и успели застать их врасплох.

– Террористы арестованы?

– Почти, – ответила Марианна виновато.

Шеф взревел:

– Это что значит?

Шерлок бросил на Марианну предостерегающий взгляд и сказал громко:

– Мы слышали стрельбу, шеф! Испугались, что начинают ликвидацию заложников, и ворвались, потому что наш долг – защита мирного населения и прилегающих к нему лю-

дей!.. В перестрелке один убит в прихожей, трое в гостиной.

– А заложники? – рявкнул начальник. – Могли пострадать при перестрелке!

– Заложники были заперты в ванной, – заверил Шерлок и снова посмотрел на Марианну как-то особо. – Так что террористы стреляли в нас, мы в них... Там вся стена истыкана пулями! Хреновые стрелки, а мы вот нет, не зря вы нас дрючили в огневой подготовке! Вы орел, товарищ капитан.

Марианна бросила взгляд в его сторону и добавила:

– Да-да, стрелки неважные. Наверное, накурились или под наркотиками.

– А то и вовсе пьяные, – сказал Шерлок с презрением. – А мы, товарищ капитан, абсолютно трезвые! Уже в который раз.

Шеф тяжело вздохнул.

– Теперь оправдываться... Надо было все-таки дожидаться спецназа. Тебя, Иванченко, прозвали Шерлоком не за то, что стреляешь метко, а за умение докапываться до сути!.. А вы, Мария Ивановна?

– Заложники могли пострадать, – напомнила Марианна.

Шеф отмахнулся, словно отгонял муху.

– Это их проблемы.

– И спецназа, – добавил Шерлок.

Шеф посмотрел на него с укором.

– Мария... ты же знаешь, сколько им платят. Я бы не отказался от такого жалованья, а у меня звание, я начальник

отдела полиции, и у меня двадцать лет стажа!.. Так что не надо их жалеть, возвращайтесь в отделение. Придется писать объяснительную, почему не по правилам.

Шерлок взмолился:

– Шеф!.. Мы же две смены отпахали!..

– Давайте отложим до утра, – предложила Марианна и широко зевнула. – Я с ног падаю. Да и стресс у нас, еще не то напишем. Шерлок у нас вообще местами либерал. Ниже по-яса, правда.

– Но пистолет удержала, – буркнул шеф. – Хорошо, но утром чтобы рапорты на моем столе!

– Будет сделано, – ответила оба радостно и в один голос.

Заложников за это время люди из спецназа погрузили в свой карликовый, но очень тяжелый автобус, следом за ними, явно будет принимать участие в дальнейшем, поехал на своем авто начальник полицейского участка.

Шерлок и Марианна, которая просто Мария, пусть и Мария Ивановна, некоторое время стояли у своей машины, Шерлок нервно курил, а Марианна оглядывалась по сторонам.

– И куда делся наш идиот?

– Никуда я не делся, – ответил я и вышел из темноты. – Ваш идиот здесь.

Оба вздрогнули, Шерлок ухватился за рукоять пистолета, но тут же убрал ладонь с кобуры.

– Тьфу! Ты кто, ниндзя?.. Нельзя так подкрадываться!..

Ты зачем все это сделал?.. И вообще кто ты? Как тебя зовут?

– Крабоид, – ответил я, – но это, наверное, не мое имя. Меня сбила машина, я сильно ударился головой... и все из нее вылетело, как мне сказали.

Он посмотрел на меня с подозрением.

– Точно?.. Хорошо, мы тебе поможем. Машка, сними его отпечатки пальцев.

Марианна достала светящуюся красным светом изнутри коробочку в металлическом ящичке, подключила ее к бортовому компьютеру. Я дал поприжимать кончики моих пальцев, зачем это делается уже видел по фильмам, потому на всякий случай сделал там рисунок, а Марианна-Мария вывела увеличенный снимок на экран полицейского компьютера.

Я смотрел как там быстро-быстро мелькают сотни и тысячи других отпечатков, наконец на экране высветилась надпись: «Не найдено».

Марианна вздохнула с заметным облегчением, а Шерлок сказал, как мне показалось, достаточно разочарованно:

– Это значит только, что у него нет приводов. Пока, что удивительно.

Марианна сказала с укором:

– Я ему верю. Ты же видел, он попер прямо под выстрелы!.. Значит, не понимал, что если пуля в лоб... то будет большая шишка.

– Ему крупно повезло, – согласился Шерлок. – Там вся стена изрешечена. А у него, смотри, только рукав зацепило

и малость на плече рубашку попортили... Ладно, поехали домой.

Марианна кивнула, но повернулась ко мне.

– Ты где живешь?

Я ответил честно:

– Я вообще не живу.

– Да, – согласилась она, – без памяти что за жизнь?.. Хотя я кое-что стерла бы из своей, но не все, не все...

– Бесстыжая, – бросил Шерлок с укором.

– Завидовать нехорошо, – ответила она с достоинством. – Ладно, а где ты спишь, Крабоид?

Я ответил так же честно:

– Я еще не умею спать. Но я быстро учусь.

Они переглянулись, Шерлок буркнул:

– Интересные идиоты пошли. Отвезем в отделение?

Марианна подумала, вздохнула.

– Это после того, как встал под пули?.. Какая-то могла бы достаться нам.

– Мы бы ждали спецназ, – напомнил Шерлок. – Все по инструкции. Шеф сказал верно, заложники наверняка сами замешаны, а спецназовцы за их высокое жалованье обязаны лезть под пули. Поехали!

Она кивнула.

– Да, конечно. Но этого... нельзя здесь бросать. Как полез под пули, так может выйти на дорогу навстречу грузовику! А это будет на нашей совести, хотя у полицейских она и очень

даже гибкая.

– Что, – спросил он, – хочешь сдать в больницу? Без документов не примут. Разве что в «Скорую» или «неотложку», но там принимают только раненых или при смерти.

Она вздохнула.

– Предлагаешь пристрелить?

– А что, это выход...

– Ладно, – ответила она, – я отвернусь, а ты стреляй.

– Нет, – отрезал он, – бросим жребий!

– Но ты же мужчина...

– А кто воевал за равноправие? – напомнил он. – К тому же ты старший, а я так, младший детектив. Ладно-ладно, надо взять к себе и дожждаться утра.

Она повернулась ко мне.

– Переночуешь у нас. Я имею в виду, в участке. Понял?

– Понял, – ответил я.

Он пояснил терпеливо:

– Хотя, конечно, ты предпочел бы у моей напарницы, вон у нее какие... Но это будет нарушение закона и даже какой-то там этики, но не спрашивай, что это такое, сам не знаю.

Я ответил тем же ровным голосом:

– Хорошо. В участке.

Он кивнул, на лице, как я понимаю, отразилось чувство удовлетворения.

– Правильный ответ... Завезу обоих, мне по дороге. Са-

димся!.. Давай в машину, только не начинай о правах, понял?

– Понял, – ответил я, хотя ничего не понял, – сажусь.

Как садиться в этот колесный экипаж понял с первого раза, влез на заднее сиденье и застыл.

Шерлок, видя, что я послушен, заговорил уже другим тоном:

– Меня зовут Денис Иванченко, а это мой напарник, негр. Зовут его Мария Ивановна. Сокращенно, Марианна.

– Негр? – переспросил я, потому что, судя по его лицу, он ожидал от меня что-то подобное.

Он хохотнул.

– В штатовских боевиках полицейские в патрулях тоже по двое: один белый, второй негр. Или латинос, но чаще негр. Но у нас негров нет, вместо них женщины.

Я оглянулся на женщину.

– Она негр?

– Да, – подтвердил Шерлок очень серьезным голосом. – Раньше женщина была домашним негром, но потом вырвалась на волю, одичала, теперь вот даже в полиции феминистит... но все равно негр. Негр – это не цвет кожи, как дураки думают, как и блондинка – не цвет волос.

Марианна покосилась в зеркало на мое лицо.

– Брось, – посоветовала она доброжелательно, – не пытайся его понять, он и сам не понимает, над чем прикалывается, приколуи гребаный.

Машина долго мчалась по ночному шоссе, я старался сузить диапазон зрения, чтобы видеть так же, как и эти двое, но, когда это удалось, ощутил себя таким слепым и беспомощным, что поспешно вернул себе видение в ультрафиолете и даже дальше, только напомнил себе, что о таком нужно помалкивать.

Участок, в который меня привезли, оказался массивным каменным зданием в два этажа, такие строения принято называть мрачными и добротными, а начиная от входа я увидел людей в такой же одежде, как и на Марианне и Шерлоке, что называется формой.

Шерлок крепко поддерживал меня за локоть, хотя раньше так не делал. Наверное, в этом здании так положено. Прошли по коридору, еще один страж порядка отпер дверь в небольшую комнатку с кроватью.

Шерлок в коридоре сказал мне тихо:

– Всего одна ночь, парень. А завтра с утра решим, обещаю. Только не буянь, хорошо?

– Хорошо, – ответил я.

Местный страж поинтересовался у Шерлока:

– Он что, буйный?

– Потерял память, – сообщил Шерлок с сочувствием. – Тяжелая контузия... А завтра пусть психиатр разбирается.

Страж повернулся ко мне.

– Парень, тебе не повезло, сочувствую. В самом деле ничего не помнишь?... Хотя бы где спал прошлую ночь?

– У Ксюхи, – ответил я. – Дом сорок четыре, корпус три. Квартира двести восемнадцатая.

Страж сказал Шерлоку с укором:

– Ну вот видишь, как надо задавать вопросы правильно!.. Для мужчины важнее, где спал прошлую ночь, чем где вообще живешь или прописан. Погодите, я свяжусь...

Глава 9

Мы все трое наблюдали, как он водил пальцем по коробочке, там сменялись изображения, наконец, он заговорил, я расслышал голос Кощея, потом взволнованный писк Ксюхи.

Страж что-то спрашивал, уточнял, потом сказал довольным голосом:

– Тогда забирайте, а то у нас тут все переполнено!

Он сунул коробочку в нагрудный карман, Шерлок сказал с издевкой:

– Переполнено? У нас все камеры пустые.

– Пусть лучше у родных ночует, – ответил страж. – Ну и что, если не родные? Даже у знакомых лучше, чем в участке. Вдруг у него психика ранимая!..

Марианна сказала живо:

– Это с такими бицепсами?

– Тогда контуженный, – уточнил страж. – У них черепа прочные, но внутри перебултыхнутое, как вон у Шерлока в пузе после обеда, когда на полусогнутых бежит на ковер к шефу. Пойдемте к нему, лучше перестраховаться.

Шерлок снова придерживал меня за локоть, показывая, куда идти и где поворачивать, длинный коридор вывел в ту часть, которую называют центральной, страж забежал вперед и, постучав в дверь, распахнул ее, услышав с той стороны недовольный рев.

Кабинет начальника шире и лучше обставлен, чем остальные комнатки в участке, он сам уже явно собирался уходить, повернулся к нам с заметным раздражением на лице.

– Чего?

Страж сказал заискивающе:

– Шерлок привел странного парня, хочет, чтобы тот переночевал у нас, но мне лично удалось с огромным трудом и проделав громадную работу, найти его знакомых, что готовы забрать к себе.

Шеф вперил в меня острый взгляд.

– А почему Шерлок привел сюда?.. Кстати, привели вдвоем, а вообще старшая у них Мария Ивановна!

Марианна выпрямилась.

– Да, капитан. Но это с моего разрешения. Его сбил автомобиль, он от удара во временной амнезии. Не помнит ни имени, ни где живет. Мы решили как-то помочь... Мы же полиция, помогаем людям и населению! Ну, как можем. В рамках социалистиче... э-э, либеральной законности и толерантной терпимости ко всякой нетерпимости.

Шеф взглянул на меня без особого интереса.

– Парень, тебе повезло!.. Я бы тоже хотел потерять память, а то лезут в голову всякие старые долги.

Шерлок сказал бодро.

– А просто плюнуть на них?

Начальник раскатисто засмеялся, живот пару раз колыхнулся, как тяжелый студень.

– Твой беспамятный друг не одобрит. У всякого человека есть долги, что делают его человеком. Долг перед обществом, перед родителями, перед детьми, перед друзьями... Не будь у нас долгов, кем бы мы стали?..

– Демократами, – предположил Шерлок. – Говорят, человек всегда свободен, а на все долги перед обществом теперь плевать с высокого дерева. Или с балкона на прохожих.

– Кант бы с тобой не согласился, – сказал шеф, – как и Карл Маркс. Насчет Кьеркегора не знаю. Ладно, передайте его знакомым, а сами отправляйтесь спать, завтра день будет трудным.

– А когда был легким?

В коридоре мы ждали недолго, так сказал Шерлок, для них это важно, у них жизнь исчезающе коротка, потом страж прислушался, вышел в коридор.

С улицы прошли и остановились там в нерешительности Кошей и Ксюха, оба испуганные, переминающиеся с ноги на ногу.

Страж переговорил с ними, жестом велел всем нам идти с ним в кабинет начальника, а там сказал радостно:

– Вот эти двое и заберут его к себе!

Начальник участка окинул их острым придиричивым взглядом. Похоже, оба очень не понравились, но сказал ровным голосом:

– Кто вы и кем вам доводится тот гражданин?

Я слушал, как оба, перебивая друг друга, рассказывали,

как вчера ехали мирно и никого не трогали, скоростной режим дороги не нарушали, как можно, они же законопослушные, вдруг из темноты прямо перед радиатором появился этот человек. Кощей ударил по тормозам, но поздно, неизвестного отбросило на несколько шагов.

Ксюха договорила уже одна, что они подобрали несчастного и притащили к себе... а днем он исчез.

Начальник участка не сводил с них тяжелый взгляд, наконец произнес:

– А в поликлинику доставить была не судьба?..

Кощей сказал жалким вздрагивающим голосом:

– До больницы далеко, а Ксюха рядом... Мы же хотели оказать помощь поскорее!

Он покачал головой, взгляд стал нехорошим.

– Темните, ребята. Даже чувствую, в каком месте. Ладно, забирайте, раз уж ощутили вину и некоторую ответственность. На Страшном Суде это вам зачтется, а я прикрою глаза на некоторые... да, на некоторые.

Ксюха с огромным облегчением вздохнула, а Кощей заулыбался во весь рот.

– Но только потому, – закончил шеф, – что у вас проявились некоторые зачатки общественной ответственности за совершенные... поступки. Потому забирайте этого парня и позаботьтесь о нем.

По его жесту мы все вышли из кабинета, Кощей вместо Шерлока взял меня под локоть, Ксюха заботливо поддержала

с другой стороны.

Шерлок и Марианна пошли следом, на выходе из участка Шерлок сказал с усмешкой:

– Он не может вспомнить свое имя, но, думаю, если повести в наш тир и дать пистолет...

Марианна вздрогнула.

– Ты чего?

– То всю обойму, – закончил Шерлок, – уложит в яблочко.

Она фыркнула.

– Хочешь так и сделать?

– Ты босс, – ответил он смиренно, – потому можешь и не знать, что мышечная память частенько пробуждает и мозговую.

Она покачала головой.

– Рисковать не стану.

– Ты босс, – повторил он.

Мы вышли во двор, я сразу узнал старенький и потрепанный автомобиль Ксюхи, а за спиной услышал рассерженный голос Марианны:

– Может быть, его мускулатура от бодибилдинга и фитнеса, а вовсе не от боевой подготовки?.. Сейчас даже клерки качаются, а кому лень, те всякие масла впрыскивают в бицепсы.

– У него не масло, – сказал он. – Пощупай его плечо. Я сперва вообще решил, что отполированный камень.

Я слушал внимательно, чуть не пропустил этот момент,

но когда уловил изумление этого существа, то сделал плечо чуть мягче, чтобы это существо сумело чуточку продавить своими странными отростками.

У машины Ксюхи все четверо остановились, Шерлок сказал авторитетно:

– Парень, до выяснения обстоятельств оставляем тебя у этих людей. Проще бы оставить в отделении, но наш полицейский психиатр не слишком хорош в таких делах.

– В других он хорош, – заметила Марианна. – И выпить не дурак.

Шерлок сказал мне:

– Специалистов везде не хватает. Но можем в больницу...

Ксюха запротестовала:

– Ни за что! Он вспоминает все больше. Вы бы знали, каким он был в первые минуты!.. А сейчас уже вот-вот...

Шерлок прервал важным голосом:

– Хорошо, забирайте, но завтра проверим. Если не придет в себя, займутся медики. Я сам врачам не очень-то верю, но уж лучше пусть врачи, чем полиция. Не все в ней такие замечательные, как мы с Марианной.

Ксюха ухватила меня за рукав.

– Влезай за заднее сиденье! Пока тут не передумали.

Я послушно сел, куда указали, Кощей и Ксюха устроились впереди. Шерлок сказал успокаивающе Марианне:

– Пойдем, парня все-таки пристроили лучше, чем ожидали.

На этой стороне планеты так называемая ночь, центральная звезда системы светит по ту сторону, на улицах людей почти нет, хотя фонари зачем-то горят, но, как я слышал, это на тот случай, если кому-то нужно ходить и ночью.

Кощей гнал автомобиль достаточно быстро по местным меркам, Ксюха жадно расспрашивала что было, особенно налегали на то, что я рассказал о них. Я правдиво ответил, что ничего, я же в самом деле ничего о них не знаю.

Оба заметно успокоились, Ксюха даже вздохнула с великим облегчением.

– Молодец, Крабоид! Умеешь хранить тайны. Вроде бы косячок выкурить за рулем не преступление, но за нами сколько уже всего накосячено.

Кощей сказал с оптимизмом:

– Щас приедем, поедим и все раскосячим!

В доме у Ксюхи все знакомо, хотя все и непонятно, потому я, повторяя их движения, точно так же прошел на кухню и сел на свободный стул.

Кощей сказал тем же бодрым голосом:

– Вот и прекрасно! Начальник там клевый мужик. Сразу просек, что мы были тогда малость под кайфом, но раз уж пришли за нашим Крабоидом, то закрыл глаза на такую мелочь. По этому случаю можно и...

Ксюха прервала:

– Никаких «и...»! Попьем на ночь молочка. Хоть раз ля-

жем спать трезвыми. Я уже и забыла, когда это было в последний раз.

– Ты чего? – изумился Кощей. – А на прошлой неделе во вторник?

– Это когда накурились травки, – переспросила она, – что из ушей дым пошел? А ты по всем стенам чертей ловил?..

– Подумаешь, – ответил Кощей с обидой. – Клевета! Только на одной, да и не чертей, а инопланетных захватчиков. Я Лос-Анджелес спасал!.. Тогда сделай кофе погуще. Мне с ним спится крепче.

– Такой сделаю, – пообещала Ксюха зловещим голосом, – до утра не заснешь!.. Крабоид, а тебе какой?

– Любой, – ответил я и добавил фразу, которая мне ничего не говорит, но люди ее употребляют часто, – у тебя прекрасный кофе.

– Спасибо, – сказала Ксюха польщенно и заулыбалась во весь рот, на щеках появились умильные ямочки. – Ты куда исчез, помнишь?

– Помню, – подтвердил я. – Нужно было помочь девочке, что помогала мне.

– И как, – поинтересовалась она, – помог?

– Нет, – ответил я. – Не знал как.

– Но что-то вспоминаешь, – сказала она обрадованно, – наверное, хорошая девочка. Мы тоже с Кошеем хорошие, только я дурная, а он так вообще прибитый. Ложись спать, вдруг за ночь в твоей голове убултыхается в нужную сторо-

ну?

Кощей сам взялся делать кофе, я не понял, что это такое, но люди придают этому большое значение, в руках у него жужжало и гремело, а мне сказал бодро:

– Проблемы не все решать обязательно! Некоторые проще похоронить! И не вспоминать о них, будто и не было.

– Точно, – подтвердила Ксюха. – Если все помнить, рехнуться можно.

Я кивнул, так нужно, хотя такого не понимаю, как это можно добровольно отказываться помнить какую-то информацию, это неестественно и противоречит законам мироздания, а Кощей добавил бодро:

– И жизнь станет краше!.. Ты ешь-ешь, не стесняйся. Такому здоровяку нужно хорошо питаться.

Ксюха заботливо придвинула ко мне булочки, я взял одну и ел, подражая Кощей, хотя в первом же ломтике, что я откусил, энергии хватило бы, чтобы разрушить весь этот громадный город, даже если воспользоваться всего лишь примитивной энергией распада атомного ядра, но люди потребляют громадные объемы топливного материала, из которого извлекают едва ли стомиллиардную долю энергии.

– Тюпа не звонил? – поинтересовался Кощей.

– Один раз, – ответила Ксюха. – Узнал, что никого не посадили, сказал, что на днях заскочит. Предложил организовать групповуху, включая нашего Крабоида.

– Извращенец, – сказал Кощей с осуждением. – Больше

не показывай ему сиськи. Обществу не нужны умные, народ должен быть весел, как пробка.

Я промолчал, жизнь отдельных человек понять невозможно, а уж насчет общества вообще полная тьма, как за пределами Вселенной.

– Отдыхай, Крабоид, – сказал Кощей. – Посмотри порнуху перед сном, это хорошо гоняет кровь к мозгам и обратно.

Ксюха сказала сонным голосом:

– Все, я падаю с копыт. Два часа ночи!

Кощей подмигнул мне и, обняв Ксюху за талию, утащил в спальню и закрыл за собой дверь.

Я некоторое время лежал на постели без движения, краем глаза, подражая людям, поглядывал на то, как они копулируются. Ничего особенного, но, как уже знаю, без этого процесса не бывает размножения, хотя они и в прошлый раз копулировались, но результатов что-то не вижу. Как было двое существ, так и осталось. Возможно, как говорил Тюпа, в некоторых случаях необходима групповуха.

Хотя, как думаю, в том случае ритуал будет несколько сложнее и замысловатее.

Глава 10

Наконец Ксюха и Кощей закончили с обязательным ритуалом перед сном, что значит, отвернулись один от другого и впали в бессознательное состояние. У обоих и без того бесконечно хрупкая жизнь едва теплится, а сейчас у самки дыхание едва слышно, зато Кощей хрипит, сопит, в горле и в груди булькает, всхрапывает, но не просыпается, только плямкает губами, храп на короткое время становится тише, потом клочкотанье нарастает.

Я не знаю как по их метаболизму лучше, может быть, этот храп поддерживает жизнь на более высоком уровне, и Кощей первым проснется и защитит, но от кого может защитить это существо? Разве что от еще более беспомощных.

Оставаясь неподвижным, словно камень, я продолжал смотреть и слушать все эти телепередачи, так это называется, не столько для того, чтобы себя не выдать, существа этого мира мне повредить абсолютно не могут, но не оставляет это унижительное чувство беспомощности, почему-то все еще и близко не могу понять это состоянии материи, создавшее выверт биологического состояния, я без этого не узнаю, почему я здесь.

И да, странное ощущение, что это не просто выверт, а нечто более сложное и высокое по организации, хотя это просто невысказано потому, что невысказано.

И, конечно, все же чувствую в себе некую подавленность из-за того, что совершенно не могу воздействовать на этот мир биологической жизни, включая даже микроскопических существ этого мира, называемых вирусами и микробами.

Любую гору могу распылить по малейшему желанию, да что там гору, хоть всю планету, но не сдвину даже крохотное существо, которое здесь называют бактерией!

Потому я и распадался постоянно сам, что пытался... что пытался?.. Уже не вспомню, потому что это странный и чудовищно сложный мир, ничего подобного нигде нет, и только теперь не просто понимаю, но и чувствую, что это нечто сложнее всего, что я знал и умел.

Я вздохнул, чувствуя, что получилось почти непроизвольно, уже вживаясь в жизнь простых людей, вспомнил тот темный сарай и просто шагнул в него, здесь оставив приматую постель.

В этом мире это назвали бы переносом или телепортацией, на все есть термины и названия, хотя переноса не было, просто оформился там и мгновенно увидел все вокруг, сразу же вышел во двор, вглядываясь в дом.

Сквозь стены видно девочку, что в постели прижалась к самке и крепко спит, вцепившись в нее обеими руками. Женщина тоже спит, некрасиво запрокинув голову и раскрыв рот, откуда исходят хриплые звуки.

Я тихонько постучал, подражая Марианне, отступил на

шаг, а потом вообще отодвинулся от крыльца, ступая по мягкой траве.

Дверь распахнулась, на пороге возник тот огромный мужик, что доминантит в доме, всмотрелся в меня злыми глазами.

– Ты чё там в темноте прячешься?.. Выйди на свет!

Я ответил тихим голосом:

– Иди ты сюда. Разговор.

Он рыкнул:

– Думаешь, испугаюсь?..

Я не ответил, чтобы не ошибиться, а он неспешно спустился по ступенькам, подошел, громадный и широкий, как сказал Шерлок, бывший боец без правил, хотя не знаю, что это, но Шерлок говорил вроде бы с уважением.

– Ну, говори? Кто тебя послал?

– Я послал, – ответил я. – Ты знаешь, что ты нарушаешь закон?

Его лицо исказилось устрашающей гримасой, а голос стал злее:

– Слушай, гнида, тебя кто послал? Если Ночные Совы, то хрен они что получают. Здесь только мы собираем навар.

Я произнес ровным голосом:

– Жаль, не могу тебя исправить.

Он зло хохотнул:

– Да меня и колония не исправила!.. Две сидки имею, понял?.. А ты кто?

– Не знаю, – ответил я, – но мне подсказали, что с тобой сделать.

– Ну-ну? – спросил он с интересом.

– Проблемы не все решать обязательно, – ответил я голо-
сом Кощея. – Некоторые проще похоронить и не вспоминать
больше.

– Че-че?

Я не сдвинулся с места, на биологическую жизнь воздей-
ствовать не могу абсолютно, но материя первого уровня в
моей власти.

Почва под ним исчезла, он рухнул в глубину шахты с иде-
ально ровными краями. Далеко снизу донесся его запозда-
лый вопль, однако атомы уже вернулись к прежней структу-
ре, и крик оборвался, а земля снова стала такой же ровной
и твердой.

Ощущение, что я сделал не совсем правильно, осталось,
хотя именно так пожелала тогда Марианна. Впрочем, девоч-
ке в самом деле лучше пусть и с плохой матерью, но без ви-
зитов этого недоброго к ней самца.

Кощей и Ксюха не ощутили, что я исчезал, а потом по-
явился, а я оформился снова в той же позе на кровати, вклю-
чил телеприемник волн и начал поглощать поступающую ин-
формацию.

Понять с ходу уже не пытаюсь, хотя бы запомнить, что и
в каких случаях нужно делать и что произносить этим при-
митивным речевым аппаратом.

Утром оба стража порядка, Шерлок и Марианна, зашли к Ксюхе. Я слышал из другой комнаты, как интересовались обо мне. Кощей спросил, в чем дело, Ксюха пугливым писклявым голоском затараторила оправдания, Шерлок ответил, что вчера задержанного нужно было бы оставить в полиции, проверить, но дел по горло, отпустили с ними, теперь и это как бы на их совести или даже ответственности.

– Все в порядке, – заверила Ксюха трусливым голоском, – он приходит в себя. Уже-уже приходит!

– Точно? – спросил Шерлок с подчеркнутым недоверием и посмотрел на него грозными глазами.

– Точно-точно, – пропищала она. – Еще день-два, и все вспомнит, тогда и уйдет домой! Может быть, уже сегодня вспомнит.

Шерлок и Марианна начали расспрашивать, откуда знают меня, я из другой комнаты слушал, как Ксюха еще раз покаянно рассказывает, что сбили на авто, там и превышение скорости, и несчастный косячок, и предыдущие приводы у Кощей даже за дебоши в общественных местах, но сейчас все трезвые, а следы от травки из крови выветрились.

Шерлок буркнул:

– Можно впаять за неоказание помощи, но вы, придурки, все-таки ее оказали, хоть и по-дурному.

Марианна добавила:

– И даже вчера в участок явились, хотя страшно было?

– Очень, – боязливо призналась Ксюха. – Но нельзя же его бросать, мы же теперь в ответе, как сказал великий Карл Маркс.

– Это сказал кто-то раньше, – уточнила Марианна. – Наверное, Христос.

Шерлок взглянул на Ксюху отечески:

– Ты еще не на самом дне, девочка. Заботься о других, в конце концов позаботятся и о тебе.

Я вспомнил, что они меня не видят по эту сторону стены, на всякий случай вышел в прихожую.

Шерлок и Марианна тут же вперили в меня профессионально цепкие взгляды.

– Парень, – поинтересовался Шерлок, – ты как?

– Нормально, – ответил я, как чаще всего люди отвечают на такой вопрос.

– Хоть что-то вспомнил?

– Нет, – ответил я и спросил в свою очередь: – А что насчет той девочки?

Они переглянулись.

– Парень, – сказал Шерлок с сочувствием. – Это сложно.

– Законы? – спросил я.

Он кивнул.

– Видишь, что-то да помнишь...

– Но я слышал, – сообщил я, – законы как-то обходят, когда сильно нужно. Это не закон гравитации или скорости света, но даже те обходят...

Марианна сказала с сочувствием:

– Мы копы, дружище. Мы закон не нарушаем. Напротив, ловим для изоляции за решеткой тех, кто нарушает. Хотя согласны, та семейка совсем не то, что нужно такому ребенку. А кто она тебе? Родственница?

Я покачал головой.

– Нет.

– Тогда кто?

Я подумал, ответил медленно:

– Она мне жизнь спасла... Хотя, не знаю, может быть, я и так бы выжил? Но все равно помогла очень... даже очень. Потому хочется что-то сделать для нее.

Шерлок сказал рассудительно:

– Можно возбудить процесс о лишении родительских прав. Дело долгое и муторное, но почти беспроектное, если правильно взяться, ты же видел, что за семейка!.. Да только кому заниматься? Комитет по надзору за детьми должен получить письменное заявление. Анонимный звонок не катит...

– Я уже умею писать, – сообщил я.

Они переглянулись, Шерлок сказал с невеселой иронией:

– Печатными буквами?

– А есть другие? – ответил я.

Марианна вставила странным голосом:

– Сейчас молодежь уже и не знает, что когда-то были и прописные. В моем детстве, к примеру.

Шерлок добавил:

– Боюсь, твоего заявления будет недостаточно. Нужен кто-то из жителей района, прописанный, с хорошей репутацией. А ты пока что на такого не тянешь.

Он хлопнул меня по плечу, задержал на мгновение там ладонь, я не успел сделать материал моего тела в том месте мягче, его пальцы тут же соскользнули.

– Ты как из камня, – сказал он с некоторым недоумением. – Мозги тебе, может, и почистили, но для мужчины главное – мускулы!.. А мозги что, кто их видит?

Марианна вернулась к входной двери, оттуда напонила:

– Шерлок, пора.

– Иду, – ответил он и повернулся ко мне: – Хочешь с нами?

– Иду, – ответил я.

Он повернулся к Марианне.

– Видишь? Даже не спрашивает куда. Настоящий мужчина всегда друзьям доверяет.

Она фыркнула.

– Это ты друг? Ты даже себе враг.

– А ты?

– Что я, я вообще-то лапочка.

Ксюха протяжно вздохнула, но похоже, как говорят люди, ощутила от слов Марианны только облегчение, однако спросила:

– Но вернете?

Шерлок хохотнул:

– Нет, продадим в сексуальное рабство. Феминисткам. Сейчас женщины такие пошли... Ты не такая?

– Не такая, – заверила Ксюха. – Я сама в рабстве. В общественном.

– Это хорошо, – одобрил Шерлок. – Все мы в рабстве у общества, зато закон и порядок!

Марианна уже распахнула дверь и нетерпеливо притопывала задней конечностью, Шерлок пропустил меня вперед, сам вышел следом.

Дверь за нами захлопнулась, я оказался между Марианной и Шерлоком явно не случайно, так водят задержанных или подозреваемых.

По дороге к припаркованному у края проезжей части улицы автомобилю Марианна проронила:

– Шерлок, а взгляд у нашего подопечного цепкий. Так меня осмотрел, будто даже размер клитора заценил... Крабид, а какого цвета у меня сиськи на кончиках? Коричневые?

– Розовые, – ответил я.

Она повернула голову к Шерлоку:

– Видишь?

– Ты блонда, – сказал он, – у блонд у всех... ну, какие мне попадались, хотя я вообще-то скромный. Ни разу тебе маечку не задрал, чтобы посмотреть.

– Получил бы по морде, – сообщила она ядовито. – У меня не заржавеет. Но если попросишь, покажу. У меня класс-

ные!.. Сама знаю.

– Покажи, – предложил он. – Нас двое, вдруг Крабоид что-то вспомнит. Сиськи – это такой мощный... ну, восстановитель памяти и всего прочего!

Она перевела взгляд на меня.

– А какого цвета волосы у меня в паху?

Я переспросил:

– Где это?

Она показала рукой, я ответил сразу:

– Там их нет. Как и в подмышечных впадинах.

Она снова перевела взгляд на Шерлока, тот хмыкнул.

– Отстаешь от моды. Теперь под мышками и вокруг письки выращивают целые рощи. Так эротичнее и таинственнее. Но ты права, в нем что-то такое, словно прослужил полицейским лет двадцать. Может, и на автомобиле его сбили не случайно, я тех ребят еще разок перепроверю.

– Проверь, – согласилась она. – Вообще-то мелкая шпана, но такую легко подтолкнуть и на крупняк, если помахать перед носом стодолларовой купюрой.

Шерлок ушел вперед к автомобилю, а Марианна остановилась, взглянула в мое лицо внимательными глазами.

– Как тебе идея пройтись по улице, сходить в бар?.. Вдруг скорее вспомнишь, кто ты и как тебя зовут?

Я подумал, покачал головой.

– Не стоит.

– Почему?

– Для меня это новый мир, – ответил я. – Даже когда буду вести себя, как остальные... все равно что-то может оказаться новым. И тогда я могу... поступить неправильно.

Она посмотрела испуганными глазами.

– У тебя настолько... все вылетело?.. Ты прям как инопланетянин!..

– Что такое инопланетянин?

Она охнула.

– И этого не знаешь?.. Про них столько книг, фильмов, сериалов!.. На Марсе и везде-везде живут и только думают, как захватить Землю, нас превратить в рабов, а женщин насилловать!.. Блондинок в первую очередь. А я как раз блондинка!

Я снова повторил это движение, наклоняя голову то к одному плечу, то к другому, но так, чтобы не касаться ухом.

– Никто не захватит.

– Откуда знаешь?

– Нет инопланетян, – ответил я уверенно. – Биологическая жизнь возникла только здесь, в этой части Вселенной. На Земле. Других мест нет.

Она посмотрел с изумлением.

– Так что же, все врут?.. И жукоглазые не будут нас насилловать?.. Так неинтересно!

Глава 11

Шерлок у машины открыл дверцу и ждал нас, а когда я подошел, даже помог сесть, так обычно делают с арестованными, придерживая им голову, чтобы не ударились нарочито, а потом предъявляли обвинения в зверских избиениях.

Я поинтересовался:

– У вас колесный экипаж другой, умеете перестраивать?

Они переглянулись, Шерлок сказал со странной ноткой в голосе:

– Умеем еще лучше. Пересели из служебной в личную. Сегодня суббота, дружище. Два дня выходных!

– И куда выходите? – спросил я вежливо.

Марианна пошла обходить автомобиль, как я понимаю, сядет с левой стороны за руль, это как бы она доминант, что непонятно, Шерлок с виду намного доминантнее, да и ведет себя как доминант.

– А в самом деле, – сказал он весело, – куда здесь выйдешь? Все в том же запертом мире. Вот так и крутимся.

– Скоро выйдем, – пообещала Марианна.

Она села, деловито пристегнулась, Шерлок опустился на правое сиденье рядом с нею, оставив меня одного позади.

– Куда? – спросил он.

– Маск ракету на Марс отправляет, – сообщила она, – скоро начнем выходить в мир, что пошире нашего...

Я промолчал, для этих существ выход к ближайшим планетам их крохотного мирка в самом деле большое событие. И никогда не узнают, насколько же мир велик и невероятен. Но я знаю... или просто чувствую, что он огромен, и он меня знает.

Марианна вывернула руль, автомобиль дернулся и вынес со двора на проезжую часть улицы.

Странное ощущение начало наполнять меня всего, словно сижу вот в этом автомобиле и в то же время завис в странно огромном мире, настолько исполинском, даже не вообразить, и весь этот мир тоже я, вовсе не тусклый и серый, как здесь на планете, а объемно красочный, яркий, грандиозный...

Я попытался удержать это состояние, но разом исчезло, осталось только странное ощущение, что я как бы висел в центре этого звездного роя, где каждая звездочка на самом деле громадная галактика, состоящая, как слышал по приемнику электромагнитных волн, называемому телевизором, из ста миллиардов звезд, что, конечно, не так, круглые цифры всегда врут...

Шерлок всмотрелся через зеркало в мое лицо, в голосе прозвучала тревога:

– Что-то не так?

– Да все так, – пробормотал я.

– Ты как-то застыл, – пояснил он. – Что-то вспомнил?

– Нет, – ответил я, – ничего. Так, ощущения какие-то. Но

смутные.

– Ничего, – утешил он, – начнут проявляться. Сперва медленно, как на древних фотопленках, а потом р-р-р-раз!.. и все восстановится. Только держись!

– Надо держаться? – спросил я и взялся за дверную ручку.

– Да, – подтвердил он. – Можешь такое вспомнить, что и рад бы забыть... Но надо. Чувствуешь себя как?

– Нормально, – ответил я, потому что так обычно отвечают другие, – Ничего не болит.

– Ты крепкий парень, – произнес он медленно, – даже очень... Мне такие не попадались. Что пьешь?

Вопрос застал меня врасплох, я быстро прогнал в памяти ответы, их много, обычно называют пиво, вино, водку. Но все чаще говорят, что не пьют вовсе, я решил, что это самый безопасный ответ и ответил ровно:

– Не пью.

Марианна перевела автомобиль в левый ряд и, не поворачивая головы, сказала ободряюще:

– Ничего, главное, какать умеешь.

Я ответил смиренно:

– Да, этому я научился быстро. Хоть и не в первый день.

Ее пальцы крепче стиснулись на баранке, я увидел в зеркале ее изумленный взгляд.

– Раньше не умел?

– Нет, – признался я. – Говорю же, это для меня абсолютно новый мир!.. И слишком сложный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.